

"Невеста для плохого парня"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Морин Чайлд

Невеста для плохого парня

Глава 1

— Кража изумрудов леди Ван-Корт — папиных рук дело, не правда ли? — негромко спросил Джанни Коретти у своего брата Пауло, сидящего напротив с бокалом виски.

Пауло пожал плечами, сделал глоток и слабо улыбнулся.

— Ты же знаешь папу.

Джанни нахмурился и нервно провел рукой по волосам. «Пауло намеренно ответил уклончиво», — сказал он себе. Откровенно говоря, ничего другого Джанни не ожидал, он знал, что Пауло примет сторону их отца.

Джанни окинул взглядом ухоженные лужайки Винли-Холла. Расположенный в сердце Хэмпшира, на южном побережье Англии, этот роскошный отель всегда был местом, где предпочитали останавливаться члены семейства Коретти. Частный аэродром Блэкфорн, находящийся поблизости, всегда принимал личный борт семьи Коретти по первому требованию, а оттуда до Винли-Холла рукой подать.

Джанни не любил гостей, даже членов семьи, а Пауло мог вывести его из себя за считанные минуты. Его визит в Лондон затянулся на три дня, которые показались Джанни вечностью. И вот сегодня наконец Пауло возвращался домой. На полпути к аэродрому братья решили пропустить по стаканчику в одном из баров их любимого отеля.

Симпатичная официантка, в черной юбке и элегантной светлой блузке, приняв у них заказ, двинулась в сторону бара, который когда-то служил библиотекой в Винли-Холле. В ее присутствии Джанни обратился к своему брату на итальянском:

— Надеюсь, вы с папой помните, что год назад мне удалось уговорить Интерпол списать все наши кражи, при условии, что мы не будем совершать новых?

Пауло вздрогнул и, сделав еще глоток виски, ответил:

— Кстати, как тебе это удалось, вокруг ведь было столько полиции? И честно говоря, мне непонятно, зачем вообще ты взял на себя такую ответственность. — Он поставил свой тяжелый хрустальный бокал на полированный дубовый стол и провел пальцами по краю столешницы. Встретившись взглядом с Джанни, он добавил: — Мы не просили замолвить за нас словечко.

Они действительно не просили об этом. Но Джанни все равно позаботился о том, чтобы их не трогали. К сожалению, семья не оценила такого подвига, а мысль о том, что им придется оставить семейное дело, приводила их в ужас.

Искусство воровать в семье Коретти передавалось из поколения в поколение. Детей с рождения обучали секретам и трюкам этого тонкого ремесла. С таким воспитанием они вырастали ловкачами с быстрым умом и способностью проникать за закрытые двери без особого труда.

Полиция на любом континенте отдала бы многое за возможность найти против них хотя бы маленькую улику. Но до сих пор семье Коретти сопутствовала лихая удача, и только Джанни

был убежден, что рано или поздно полоса везения закончится.

— Ты ведь серьезно говоришь, да? — спросил Пауло.

— О чем? — В голосе Джанни послышалось раздражение.

Пауло фыркнул:

— Ну, о новой жизни — честной и добропорядочной?

Огонь раздражения вспыхнул еще ярче.

— Ты говоришь так, словно я стал... — Джанни задумался, чтобы точнее выразить свою мысль. — Словно я стал бойскаутом.

Пауло рассмеялся:

— Но ты ведь не стал им, не так ли?

Было сложно просто взять и избавиться от привычки воровать, но год назад на Джанни словно снизошло озарение. К сожалению, ни отец, ни брат так и не смогли понять его решения.

Его сестра Тереза, благослови ее Господи, была единственным человеком, который смог понять его. Несколько лет назад она сама решила оставить семейные традиции...

— У тебя теперь есть работа, Джанни. — Пауло снова вздрогнул, словно мысль о том, чтобы начать работать, потрясла его до глубины души. — У Коретти не бывает постоянной работы, но зато есть «работенка». Между двумя этими понятиями существует огромная разница.

В другом конце комнаты, отбрасывая причудливые тени на дорогую обшивку из дуба, в большом камине горел огонь. От этого в помещении было тепло и уютно, и в другое время Джанни бы наслаждался тем, что находится здесь, но не сегодня. В беседе с его изворотливым братцем было мало приятного.

— И благодаря этой разнице моя семья может оказаться в тюрьме.

— Ну, пока ведь ничего не произошло, — с самодовольной улыбкой заметил Пауло.

Пока — нет. Но Доминик Коретти, отец Джанни, не становился моложе, а, как известно, даже самые лучшие мастера своего дела с возрастом теряют сноровку. Но попробуй намекнуть об этом Нику! Джанни позаботился о его безопасности, осознавая то, что отец вряд ли сумеет пережить тюремное заключение.

Разумеется, это была не единственная причина, по которой он, как говорил его отец, «предал то, ради чего родился на свет». В том, чтобы быть знаменитым вором, были свои плюсы, но и без минусов также не обходилось. Например, существовала необходимость всю жизнь опасаться полиции.

Джанни хотелось чего-то другого.

А если отец с братом продолжат его подставлять, то светлое будущее может оказаться под угрозой. Несмотря на сделку, которую он заключил с агентами Интерпола, в случае появления доказательств того, что семья Коретти снова промышляет кражей драгоценностей, сделка с ним будет моментально расторгнута, а его новые подельники проследят за тем, чтобы он сам

присоединился к остальным членам своей семьи.

— Ты слишком много беспокоишься, Джанни, — сказал Пауло. — Мы ведь Коретти.

— Я знаю, кто мы, Пауло.

— Правда? — Склонив голову набок, Пауло несколько секунд изучал лицо Джанни, а затем продолжил: — А я думаю, ты забыл. Но когда вспомнишь, то тут же оставишь позади эту свою новую жизнь.

Джанни допил содержимое своего бокала и взглянул на брата.

— Я прекрасно знаю, кто я. Кто все мы. Я дал свое слово в обмен на неприкосновенность, Пауло.

Его брат ухмыльнулся:

— Полиции.

Будто бы это был пустяк.

— Это — мое слово, — нахмурился Джанни. — К тому же сделка, которую я заключил с Интерполом, распространяется только на прошлые преступления. Если тебя или отца сейчас поймают...

— Я же говорю: ты слишком волнуешься. — Пауло покачал головой. — Нас не поймают. Нас никогда не поймают! И потом, ты же знаешь папу, для него прекратить воровать — все равно что перестать дышать.

— Знаю. — Джанни пожалел, что не может заказать еще виски. После того как он посадит брата на самолет до Парижа, ему еще предстоит возвращаться домой в Мейфэр. А попасть в лапы полицейского за вождение в нетрезвом виде... Только этого ему не хватало для полного счастья!

Должно быть, размышления Джанни отразились на его лице, так как Пауло снова рассмеялся:

— Папа — тот, кто он есть, Джанни. И потом, леди Ван-Корт сама напрашивалась на то, чтобы кто-нибудь украл ее драгоценности.

И уж конечно, их отец просто не мог остаться в стороне, когда добыча сама лезла к нему в руки. Джанни вздохнул и сказал:

— Когда увидишься с папой, скажи ему, чтобы он ненадолго залег на дно, по крайней мере, до тех пор, пока журналисты не утратят интереса к этому делу. Если придется, запри его у себя в шкафу.

Пауло глотком допил виски, поставил бокал и встал.

— Мы оба знаем, что для того, чтобы удержать нашего отца, когда он этого не хочет, одного замка слишком мало.

— Ты прав, — пробормотал Джанни, встал и проследовал за своим братом на аллею, где их уже ждал автомобиль. До аэропорта было рукой подать, и через двадцать минут братья уже прощались друг с другом у взлетной полосы.

- Будь осторожен в своей новой деятельности, братишка.
- Ты тоже, — сказал Джанни, крепко обнимая брата. — И папа пусть тоже будет осторожен.
- Я присмотрю за ним, — обнадежил его Пауло и, взяв сумку, направился к трапу их самолета.

Джанни не стал ждать, когда самолет взлетит. Он сел в машину и направился домой. К новой жизни.

- Что ж, — прошептала Мари О'Хара, — кража драгоценностей и впрямь прибыльное дело.

Всю свою жизнь она следовала правилам, подчинялась закону, а сегодня все это было позабыто ради того, чтобы справедливость наконец восторжествовала. Именно по этой причине Мари сейчас находилась в логове одного из самых известных во всем мире воров дорогих ювелирных украшений. В животе у нее что-то выделывало кульбиты, даже дышать было непросто, но она была настроена решительно и собиралась произвести здесь быстрый и тщательный осмотр.

Несколько недель она буквально по пятам следовала за Джанни Коретти, изучая его привычки, и сейчас была уверена в том, что в ее распоряжении есть несколько часов. Рисковать все же не хотелось.

Свет Мари не включала — на всякий случай, хотя шансы, что ее заметят соседи, были ничтожно малы, да и благодаря лунным бликам здесь вполне можно было обойтись без освещения. Роскошный пентхаус Коретти расположился на десятом этаже.

- Мило, но больше напоминает музей, а не дом, — пробормотала Мари, шагая по белому мраморному полу. К слову, здесь все было белым: как будто идешь сквозь мягкий зефир, только старательно минуя острые углы и неожиданные повороты. Покачав головой, Мари вышла из гостиной и, вздрагивая от каждого шороха, зашагала по длинному холлу.

Вообще-то в короткой черной юбке и на высоченных каблуках воровать было неудобно, но Мари должна была пройти мимо швейцара, не вызвав подозрений, а для этого ей пришлось принять облик одной из многочисленных подружек Джанни. Это было ужасно, но, по крайней мере, помогло ей прорваться сквозь первые защитные кордоны.

Кухня, как и все остальное в его квартире, обескураживала чистотой и строгостью своих линий. Несмотря на наличие огромной плиты и дорогого низкотемпературного холодильника, она выглядела так, словно ею никто никогда не пользовался. Рядом с кухней располагалась столовая — с большим стеклянным столом и шестью прозрачными стульями.

Мари прошла дальше, миновала две гостевые комнаты и направилась напрямик в спальню хозяина.

- Боже праведный, — вырвалось у нее, — от него что, убудет, если это заведение станет хоть немного походить на дом? — В тишине квартиры ее голос прозвучал довольно громко.

Тряхнув головой в ответ на собственные, непонятно откуда возникшие, мысли, Мари велела себе сосредоточиться и вспомнить, ради чего она решила на эту эскападу. Она здесь, чтобы найти доказательства вины Джанни Коретти. Полиция по всему миру уже столько лет пытается отыскать против семьи Коретти хоть какие-нибудь улики — и все безрезультатно. А у нее уже

было кое-что интересное, способное привлечь внимание Джанни.

Ей хотелось торжества справедливости.

— Не такая уж это безумная мысль, — вслух ободрила она себя. В этой зловещей атмосфере и гробовой тишине Мари хотела слышать хотя бы свой голос, эхом возвращающийся от стен.

В такой же белой спальне хозяина сквозь большую стеклянную стену виднелась терраса, откуда открывался потрясающий вид на ночной Лондон.

Огромная кровать занимала большую часть пространства, практически не оставляя места для комода и большого стенного шкафа. В центре просторной белой ванной громоздилось безразмерное белое каное, выполняющее роль ванны, с настоящей водопадной установкой вместо душа.

Оформление квартиры показалось Мари кричащим и роскошным одновременно.

— Вообще-то ты здесь не в качестве декоратора, — твердо напомнила она себе.

Повернувшись к шкафу, она принялась быстро и аккуратно перебирать одежду — ей ни к чему, если Коретти заподозрит, что кто-то рылся в его вещах. Она проверила карманы пиджаков, курток, слаксов. По крайней мере, стоило признать, что в одежде у него был хороший вкус. Она проверила каждый ящик и постаралась не обращать внимания на то, что вор, в квартиру которого она проникла, предпочитал черные шелковые трусы. Ну и что с того?

Ничего не найдя, Мари опустилась на колени, чтобы заглянуть под кровать. Заметив плоскую длинную коробку, она усмехнулась.

— Секреты, Коретти? — прошептала она, протягивая руку к находке.

Пальцы нащупали деревянные бока коробки, но ухватить ее не удалось. Нахмурившись, Мари заползла дальше под кровать.

Вдруг она замерла. Что это за шум? Мари задержала дыхание и подождала секунду. Кажется, все в порядке, в этом холодном дворце она одна. И сейчас она узнает, что может прятать Джанни Коретти в этой коробке. Еще немного — и вот... достала! Подтащив коробку ближе к себе, Мари пробормотала:

— Интересно, что я здесь найду?

— Вопрос в другом, — раздался глубокий голос позади нее. — Что здесь нашел я?

У Мари была всего секунда на то, чтобы удивленно взвизгнуть, после чего сильные мужские руки вытащили ее из-под кровати.

* * *

Джанни сразу понял, что в квартире он не один. Можно было назвать это шестым чувством, инстинктом самосохранения, как угодно. Он почувствовал разницу мгновенно и инстинктивно перешел на шаг, от которого отказался больше года назад.

То есть он думал, что отказался от него. Похоже, от навыков, которые были с тобой на протяжении всей жизни, избавиться не так-то просто. Он двигался по квартире без малейшего звука, его тело словно растворялось в обстановке, сливалось со стенами, превращаясь в свою

тень. Джанни прислушался, и его уши моментально уловили шорох. Шелест одежды, чей-то приглушенный вздох, легкие шаги.

Он двигался от одной комнаты к другой, все четче и четче ощущая незнакомого человека поблизости. Это ощущение нарастало и пузырилось, как отличное шампанское. Джанни заглушил голос разума и включил интуицию, которая привела его к спальне.

Сначала он услышал ее. Она что-то бормотала себе под нос. Этот низкий, хриплый голос заинтриговал его еще до того, как он смог увидеть ее. Джанни замер на пороге и взглянул на лежавшую на полу женщину.

Не полицейский.

Ни один полицейский не выглядит так, как выглядела она.

Он охватил ее быстрым, оценивающим взглядом. Красная шелковая блузка заправлена в очень короткую, по фигуре, черную юбку, длинные, стройные ноги и крошечные ступни, обутые в пару черных туфель на огромных каблуках.

При взгляде на столь соблазнительную женщину его тело мгновенно отреагировало выбросом тестостерона. Ему захотелось увидеть ее лицо. Не только для того, чтобы узнать, кто вторгся к нему в квартиру, но и для того, чтобы удостовериться: ее внешность так же прекрасна, как и ее фигура.

Наклонившись, он схватил ее за лодыжки и потянул. Ее удивленный вскрик прозвучал как музыка. Джанни задержал преступницу с поличным, и ее юбка поднялась еще выше.

Правда, стоило ему об этом подумать, как она дернулась, освободилась от его хватки, натянула юбку пониже и взбрыкнула ногой с острым каблуком.

— Эй! — Джанни вовремя отпрыгнул, увернувшись от ее удара.

Незнакомка попятилась, ее зеленые глаза расширились от удивления и страха, короткие темно-рыжие волосы упали ей на лоб, и она, тряхнув головой, откинула их назад. Вскочив на ноги, девушка сжалась, как пружинка, словно готовая к драке, и Джанни едва не рассмеялся при мысли об этом.

— Драться с вами я не собираюсь, — коротко сказал он.

Женщина рассмеялась и покачала головой.

— Ваша беда.

Она бросилась на него без предупреждения, выбросив вперед руку. Не будь Джанни начеку, она застигла бы его врасплох. Но он был готов к ее нападению. Схватив ее за руку, он развернул ее и толкнул на кровать.

Не давая времени на размышления, Джанни оседлал незнакомку и прижал своим весом к широкому матрасу.

— Слезьте с меня! — яростно прошипела она. Судя по акценту, она была американкой.

Ее глаза сверкнули зеленым льдом, и, может быть, кто-то другой и подчинился бы ее требовательному голосу, но Джанни даже не шелохнулся. Он не сдвинется с места до тех пор,

пока не получит ответы на все свои вопросы.

— Вы никуда не уйдете. По крайней мере, сейчас, — сказал он, прижимая ее плечи к матрасу. В ответ она подняла коленку и ударила его в спину.

— Довольно! — велел Джанни.

— А вы остановите меня! — с вызовом бросила она, пытаясь избавиться от давления его рук и одновременно извиваясь под ним.

— Не думайте, что я этого не сделаю. — Его голос перешел в утробное рычание. — Но должен заметить, я получаю удовольствие от ваших попыток освободиться.

Джанни добился желаемого, она застыла как изваяние. «Вот и умница», — сказал себе Джанни, чувствуя, как возбуждается.

Ее глаза по-прежнему метали молнии. Дыхание участилось, и белоснежные крошечные пуговички на ее красной шелковой блузке начали расстегиваться. «Да уж, соблазнительна», — подумал Джанни, а затем заставил себя сосредоточиться на женщине — взломщице, проникнувшей в его квартиру, а не на ее восхитительном теле.

— Уже лучше, — одобрительно сказал он. — А сейчас, когда вы успокоились, расскажите мне, что привело вас в мой дом.

— Слезьте с меня, тогда мы поговорим, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Джанни рассмеялся:

— Я что, действительно выгляжу таким простаком? — Покачав головой, он снова спросил: — Что вы здесь делаете?

Она с шумом выдохнула, подумала секунду и попыталась как можно кокетливее произнести:

— Я ждала вас.

Позабавленный и заинтригованный, Джанни смотрел на ее лицо и видел в ее глазах холодный расчет.

— В самом деле?

Прошла секунда-другая. Женщина пробурчала что-то неразборчивое, а затем призналась:

— Ну ладно. Нет.

«А жаль», — с кривой усмешкой подумал он. Найти под своей кроватью женщину было таким же соблазном, как найти ее в своей постели. Особенно такую привлекательную женщину. Но для начала нужно узнать, как она попала в его квартиру и какого черта здесь делает.

— Если вам не нужна моя компания, почему вы здесь? Что вам надо?

Незнакомка молча продолжала испепелять его взглядом. Джанни подумал, что лучше бы не смотреть на него так пристально. Ведь она не знала, как этот страстный блеск ее зеленых глаз на него действует. Прошло много времени с тех пор, как он возбуждался от одного лишь

взгляда на женщину, но в незнакомке было что-то особенное. Может быть, дело в ее воинственном выражении лица? Или он просто слишком долго жил без женщины.

— Что, нечего сказать? — спросил Джанни. — Тогда позвольте я объясню. Единственно возможное объяснение для вашего присутствия здесь сегодня вечером заключается в том, что вы воровка. Хотя надо признать, симпатичная воровка, — добавил он, окидывая взглядом ее пышную грудь, и продолжил: — Но это дела не меняет. Если вы думаете, что я окажусь более великодушным, чем жертвы ваших прежних взломов, и отпущу вас, уверяю, этого не произойдет.

— Я ничего не взламывала...

Джанни взмахом руки заставил ее замолчать.

— Мне любопытно узнать, как вы проникли в мою квартиру и чем вы думали поживиться. И поверьте, я получу ответы на свои вопросы до того, как вы двинетесь с места.

Рот у нее приоткрылся, она глухо засмеялась и в полном недоверии уставилась на него.

— В этой комнате вы единственный вор, Коретти.

— А, — сказал он, и в его голосе слышалась заинтересованность. — Так вы меня знаете. Значит, это не случайная кража.

— Это не...

— Должен признать, мне еще не приходилось встречать такого привлекательного взломщика, — сказал Джанни и вновь окинул взглядом ее тело.

Незнакомка стиснула зубы.

— Я не взломщица.

— Так значит, вы мелкая воровка, решившая перенять у меня мастерство? Если вы знаете, кто я и к какой семье я принадлежу, вы также должны знать, что учеников я не беру. Кто вы и что вам здесь надо?

— Я человек, у которого достаточно доказательств, чтобы отправить вашего отца за решетку!

Теперь все внимание Джанни действительно принадлежало ей.

Глава 2

Игривое выражение исчезло из его карих глаз за долю секунды. Мари сделала вдох и постаралась утихомирить бешено стучавшее сердце. Не так-то легко это сделать, когда твой план сыграл в ящик. Она совсем не рассчитывала на то, что Коретти явится раньше времени и застанет ее на месте преступления. Она даже и предположить не могла, что он вытащит ее из-под своей кровати, бросит на матрас и усядется сверху на ее бедра. И надо было признать, что ощущение его крепкого, мускулистого тела, вжимавшего ее в матрас, волновало больше, чем все происходящее в данный момент.

Джанни оказался выше, чем она думала, и, боже, какой же приятный аромат исходил от его кожи: тонкая смесь чего-то мускусного и мужского! Ей хотелось сделать глубокий вдох и задержать этот запах в себе, чтобы потом вдыхать снова и снова. Но ведь она здесь не для того,

чтобы попасть под его обаяние, ее гормоны не должны управлять ее жизнью. Однажды она уже совершила такую ошибку: позволила вору отвлечь ее, и повторения она не допустит.

Проклятье, почему все пошло не так?

Ее план предусматривал встречу с ним в назначенном ею месте и в указанное ею время, что давало бы ей над ним преимущество. Сейчас же она оказалась в западне, и, судя по жесткому блеску в его глазах, проявлять милосердие Коретти не собирался.

Поэтому Мари сделала то, что делала всегда, когда чувствовала себя побежденной. Она бросилась в атаку.

— Слезьте с меня, и мы поговорим! — потребовала она.

— Вы начинайте говорить, и тогда я с вас слезу, — возразил Джанни.

Да, немногого она добилась. Лунный свет струился из окон и падал на его жесткие черты лица, придавая им холодности. То, что должно было смягчать и придавать романтичность, наоборот, почему-то выглядело зловещим. Его глаза и губы, с игравшей на них ироничной усмешкой, оказались в тени.

Мари быстро и прерывисто вздохнула и, взяв себя в руки, приготовилась к конфронтации, над которой работала несколько месяцев. Ее тщательно подготовленные планы полетели ко всем чертям просто потому, что, возможно, впервые в жизни он объявился в квартире раньше, чем она его ждала. Значит, он во всем виноват!

Мари почувствовала себя увереннее от этой мысли и пошевелилась под ним, бросив сердитый взгляд.

— Трудно дышать, когда на тебе сидят.

Он даже не шелохнулся.

— Тогда вам лучше говорить быстрее. Какая улика у вас есть против моего отца?

Что ж, приходилось признать: этот раунд она проиграла.

— Фотография.

Он фыркнул:

— Фотография? Прошу вас, мисс Как-вас-там. Придется вам придумать что-нибудь поубедительнее. Все знают, что в графических программах в наши дни можно нарисовать все, что угодно. Фотографию нельзя принимать в качестве доказательства.

— Эта фотография ретушированию не подвергалась, — заверила Мари. — Может, она и темновата, но на ней отчетливо виден ваш отец.

Мари не думала, что такое вообще возможно, но черты его лица словно стали резче и холоднее. В этот момент он показался ей еще более привлекательным.

— Я должен верить вам на слово? Я даже не знаю вашего имени.

— Мари. Мари О'Хара.

Он сполз с ее живота. Этого было достаточно для того, чтобы она могла сделать глубокий вдох.

— Что ж, будем считать это началом, — отрывисто сказал он. — Продолжайте. Откуда вы меня знаете? Мою семью?

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросила Мари. Она была ошеломлена тем, что он задает такие вопросы.

Семья Коретти десятилетия находилась в центре слухов и домыслов. Застать одного из членов этой семьи за кражей драгоценностей было мечтой тысяч офицеров полиции во всем мире. Мари подумала, что такой вопрос задавать было просто нелепо.

— Вы — Коретти. Самая печально известная семья воров драгоценностей во всем мире.

На его скулах заходили желваки. Плохой знак или хороший? Впрочем, не имеет значения.

— Предполагаемые воры драгоценностей, — поправил он, удерживая ее взгляд. — Нам никогда не предъявляли обвинений.

— Потому что до недавнего времени у полиции не было улик, — сказала Мари. — Сейчас они есть.

На его подбородке дрогнул нерв.

— Вы блефуете.

Мари не отвела взгляда.

— Нет.

Коретти долго изучал ее. Наконец он покачал головой и спросил:

— Почему я должен верить словам женщины, которая вломилась в мою квартиру?

— Я не вламывалась, — поправила его Мари. — Я просто вошла.

Мари как зачарованная смотрела на то, как от вспышки гнева расширяются его зрачки.

— Что вы имеете в виду? Как вам удалось зайти?

Мари фыркнула, увидев злобное выражение его лица.

— Все, что от меня потребовалось, — это надеть короткую юбку и высокие каблуки, чтобы ваш швейцар буквально с поклонами встретил меня у входа. Он даже не спросил паспорт и, убедив, что ключа не потребуется, проводил в лифт, который поднимается только до вашего пентхауса. И его совсем не удивило то, что я пришла, когда вас не было дома. Полагаю, причина в том, что женщины в вашем пентхаусе бывают гораздо чаще, чем мужчины.

Джанни слегка нахмурился, и Мари почувствовала удовлетворение: пусть маленькое, но одно очко она заработала, Джанни Коретти должен был ее поддержать. Мари было ненавистно осознавать, что она нуждается в его поддержке, но без него ей ни за что не повернуть дело, ради которого она приехала в Европу.

— Очевидно, — пробормотал Джанни, — мне придется поговорить со швейцаром.

При виде раздражения, появившегося на его лице, Мари улыбнулась.

— Ну, не знаю. По мне, так вы его хорошо научили — сопровождать ваших «спутниц» в лифт и позволять входить в квартиру, даже когда вас нет дома.

Жилка на его подбородке дернулась вновь.

— Допустим. На один вопрос вы ответили. Теперь объясните, что вам понадобилось в моей квартире, а точнее под моей кроватью. Что вы искали?

— Еще улики.

Из его горла вырвался короткий, резкий смешок.

— Еще улики?

Мари нахмурилась:

— У меня есть одна фотография. Но мне нужны еще.

Морщина на его лбу стала глубже.

— Для чего?

— Мне нужна ваша помощь.

Джанни рассмеялся.

По-прежнему сидя на ней, он откинул голову и затрясся от хохота. Мари была настолько оглушена, что могла только беспомощно смотреть на него, в то время как в ее голове билась одна мысль: его ослепительная улыбка просто неотразима. Но вообще-то она находилась здесь не для того, чтобы любоваться Джанни. И ей вовсе не хочется коснуться его густых, темных волос...

В мыслях у нее все затуманилось, но Мари продолжала цепляться за ясность ума. Вне сомнения, любая женщина почувствует себя немного неуютно, если на ней будет сидеть Джанни Коретти.

Наконец взрывы смеха утихли. Все еще покачивая головой, он взглянул на нее:

— Вам нужна моя помощь. Потрясающе! Вы вторглись в мой дом, угрожаете моей семье и ждете, что я вам помогу?

— Если думаете, что я в восторге от этой перспективы, то вы ошибаетесь, — заверила его Мари. Ей совершенно не хотелось просить его о помощи, но чтобы поймать вора, нужен был другой вор.

— А чтобы быть уверенной в том, что я пойду вам навстречу, вы что, приготовились к шантажу?

— Вы бы не пригласили меня, если бы я просто пришла с вами поговорить.

— Ну, не знаю, — протянул он, и его взгляд опустился с ее Лица на то место, где красная шелковая материя блузки натянулась и удерживалась лишь белыми крошечными пуговками. — Я вполне мог бы вас пригласить.

Мари почувствовала себя оскорбленной.

— Несмотря на мой вызывающий внешний вид, я вовсе не одна из ваших девиц.

Его бровь взметнулась вверх.

— Девиц?

— Вы смущены?

Его рот искривился, и Мари снова представился шанс увидеть, как улыбка преобразует его лицо. Но какое ей дело до того, что он так неотразим? Он — вор. И она здесь не для того, чтобы ее влекло к мужчине, в чьей помощи она нуждалась.

Когда Джанни снова заговорил, Мари с облегчением переключилась со своих мыслей на его слова.

— Понятно. Вы не относитесь к числу «девиц», вы не взломщица. Тогда кто же вы?

Мари снова дернулась, но Джанни сидел на ней прочно и, судя по всему, не собирался ослаблять свою хватку.

— Давайте заключим сделку, — предложила она спустя пару секунд. — Я отвечу еще на один ваш вопрос, и вы с меня слезете.

— Вы не в том положении, чтобы торговаться, — напомнил он ей.

Джанни говорил с завораживающим итальянским акцентом. Его внешность, глубокий голос с хрипотцой... Черт, может, он и не крал драгоценностей? Возможно, женщины сами отдавали их ему? От этой мысли спина у нее напряглась.

— У меня есть улика против вашего отца, — напомнила ему Мари и сразу же об этом пожалела.

Кожа на его скулах натянулась, глаза угрожающе потемнели.

— Ладно, скажите, кто вы, и я вас отпущу.

— Я ведь уже сказала. Меня зовут Мари О'Хара.

— Вы американка?

— Да, — нахмурилась Мари.

— И что? Ваше имя ни о чем мне не говорит.

— Когда-то я работала в полиции.

— Дьявольщина! — Джанни сделал глубокий вдох. — А сейчас?

— Я ответила на ваш вопрос. Позвольте мне встать, и я продолжу говорить, — сказала Мари.

Несколько секунд он колебался.

— Хорошо. — Он наконец присел рядом, и Мари смогла вздохнуть полной грудью.

Выпрямившись, она поправила блузку и опустила юбку как можно ниже. Тряхнув головой, она убрала падающие на глаза волосы и взглянула на Джанни.

— Почему вам нужна моя помощь и откуда у вас есть улика против моего отца?

Даже в его голосе Мари чувствовала ту самую властность, от которой перехватывало дыхание. Казалось, он полностью владел ситуацией.

— Может быть, мне стоит сообщить в полицию о вашем вторжении? — продолжил он.

Мари покачала головой:

— Всемирно известный вор обращается в полицию? Вот так ирония.

Губы его изогнулись в улыбке, он пожал плечами:

— Я понятия не имею, о чем вы говорите. Я законопослушный гражданин. Более того, я сотрудник Интерпола.

Мари знала, что он не врет. Но работа на международную полицию не могла зачеркнуть прошлого Джанни Коретти. Скорее всего, он заключил с властями Интерпола какую-нибудь сделку в обмен на свою помощь. Чего не сделаешь ради спасения собственной шкуры?

— Ну что ж, тогда звоните в полицию, — заявила Мари. — Уверена, там заинтересуются фотографией Доминика Коретти, вылезавшего из одного из окон дворца Ван-Корт в Италии. Особенно учитывая, что произошло это за день до того, как они объявили о взломе.

Черт! Только усилием воли Джанни сохранял непроницаемое выражение лица, не позволяя ей увидеть бушевавших в нем чувств. Изумруды Ван-Корт. Да уж, приходилось признать: если эта Мари блефует, то делает она это первоклассно. Он знал, что кража, случившаяся у Ван-Кортов на прошлой неделе, была делом рук его отца. И если эта женщина тоже знала о случившемся, то у нее, без сомнений, есть фотография Ника Коретти. Этой улики достаточно, чтобы упечь его отца за решетку.

Джанни целый год работал, создавая себе репутацию законопослушного гражданина, а эта невысокая фигуристая женщина могла поставить крест на его стараниях в одно мгновение. То, что он вдруг возжелал ее, — это одно. Совершенно другое — дать ей возможность подставить всю его семью.

— Давайте-ка взглянем на нее. — Джанни подошел к выключателю на стене и нетерпеливо включил свет.

В свете луны Мари О'Хара была привлекательна, но при более ярком освещении она оказалась просто сногшибательной. Ее зеленые глаза оказались еще зеленее, ее темно-рыжие волосы горели как пламя, ее формы были выпуклыми, а изгибы тела соблазнительными. Ему, казалось, было совершенно наплевать на то, что эта женщина могла пустить жизнь его близких под откос. Он почувствовал приступ неконтролируемого желания.

«Она бывший полицейский», — напомнил себе Джанни, и эта мысль немного охладила его. По

своему опыту он знал, что полицейские никогда не бывают бывшими.

— Фотография, на которой якобы запечатлен мой отец, — отрывисто сказал Джанни. — Где она? Я хочу на нее взглянуть.

— Она в моей сумке.

Брови Джанни приподнялись: в руках женщины не было никакой сумки.

— И где она?

— На софе в гостиной.

Джанни слегка нахмурился. Проходя, он не заметил на диване никаких посторонних предметов. С другой стороны, с того момента, как он вошел в квартиру и почувствовал чье-то присутствие, все его мысли были заняты нежданной гостьей.

— Быстро же вы освоились, а? — Он иронично поднял бровь.

— Я собиралась взять ее на обратном пути. — Она сердито взглянула на него. — Вас не должно было быть еще несколько часов.

— Вы что же, ждете извинений за то, что я вам помешал?

Мари шумно выдохнула:

— Так вы хотите взглянуть на фотографию или нет?

Сказать по правде, смотреть на фотографию Джанни не хотел. Если эта женщина не лжет и на ней запечатлен его отец, — это означало неприятности. Он посторонился, давая Мари возможность пройти вперед, и проследовал за ней.

В гостиной она подошла к низкой белой софе и выдернула крошечную черную сумочку. Неудивительно, что он ее не заметил. В ней мог поместиться только паспорт и телефон. Она лежала между подушками, а на виду был только узкий черный ремешок.

Она открыла сумочку, вытащила телефон, включила его и повернула экран к нему.

— Вот она, как я и говорила.

Джанни выхватил телефон из ее рук и взгляделся в мужчину на фотографии. Это был Ник Коретти.

— Прокрутите экран до следующей фотографии, — сказала Мари.

На другой фотографии также был запечатлен Ник. Он перелезал через крышу и готовился спуститься вниз.

Черты его лица были еще более размыты, чем на первой фотографии, но все-таки они были различимы.

— Это может быть кто угодно, — отрывисто сказал Джанни, выходя в меню и удаляя обе фотографии.

— Но это именно ваш отец, — возразила Мари. — И можно было не удалять фотографии, у меня есть копии.

Джанни бросил ей телефон.

— Разумеется. Думаю, вам хватило на это ума. «Рыцари плаща и кинжала»... Полагаю, вы в восторге от себя?

— Дело не в рыцарях, — возразила Мари. — Скорее «Поймать вора». — И впервые с того момента, когда он выволок ее из-под кровати, на ее губах заиграла слабая улыбка.

Джанни знал этот старый фильм, более того, он был одним из его любимых. Кэри Гранту, снявшемуся в главной роли вора драгоценностей, в конце фильма удается не только одурачить полицию, но и заполучить красавицу, которую сыграла Грейс Келли.

— Что это у вас на уме, мисс О'Хара?

— Что ж, мистер Коретти, — сказала она, убирая телефон в сумочку. — Мне нужен вор, чтобы поймать вора.

Глава 3

— Объяснитесь.

Мари окинула его взглядом. Джанни стоял перед ней в дорогом сером костюме, белой рубашке и алом галстуке и выглядел типичным банкиром. Может, поэтому женщин тянуло к нему как магнитом?

— Могу я присесть? — спросила она.

— Располагайтесь, как вам удобно, — кивнул Джанни.

Джанни неожиданно стал очень любезным, но Мари оставалась начеку.

— Ладно, я вам уже говорила, что я раньше работала в полиции.

— Говорили.

Ей показалось или его действительно передернуло?

— В моей семье все полицейские — отец, дяди, кузены, все они в то или иное время носили полицейскую форму.

— Мило, — сухо сказал Джанни. — А какое отношение это имеет ко мне и моей семье?

— Я иду к этому. — Внезапно Мари почувствовала приступ жажды. — Я бы не отказалась от чашечки чая, — неожиданно сказала она. — У вас есть чай?

— Да, разумеется, у меня есть чай. Все-таки мы в Лондоне. Прощу на кухню. Продолжайте, — скомандовал Джанни, как только они оказались на кухне.

— Несколько лет назад мне предложили место начальника службы безопасности в отеле «Уэйнрайт» в Нью-Йорке, — начала Мари с самого начала, чтобы он ее понял. — Я оставила службу в полиции и согласилась.

— Что ж, честь и хвала вам, — пробормотал Джанни.

— Н-да. В общем, все шло отлично, пока несколько месяцев назад не была ограблена Абигейл Уэйнрайт.

— Уэйнрайт, — повторил Джанни и нахмурился. — Ожерелье графини.

— Именно. — Мари кивнула и положила руки на стеклянный стол.

— Абигейл за восемьдесят. Последние тридцать лет она жила в пентхаусе отеля. — Ее ограбили, можно сказать, в собственном доме. Она не заслуживала того, чтобы ожерелье, принадлежавшее ее семье несколько поколений, было украдено.

— Ни я, ни моя семья это ожерелье не крали, — заметил Джанни и отключил чайник, который начал свистеть.

— Я и не говорила, что его украли вы, — натянуто произнесла Мари. — В любом случае я знаю, кто это сделал.

— В самом деле? — Джанни поставил на стол заварочный чайник. — Ну и кто же это?

— Жан-Люк Баптиста.

Мари пристально следила за выражением лица Джанни, надеясь не пропустить ни малейшей реакции. Его губы на мгновение искривились, а в глазах вспыхнул гнев. Схватившись за галстук, он развязал его и бросил на стойку. Затем расстегнул несколько пуговиц и снял пиджак.

— Я его знаю.

Вот это да. Без пиджака его грудь казалась широкой и мускулистой. Она выглядела как гранитная стена, к которой так и тянет прислониться. Джанни закатал рукава рубашки, обнажая загорелые руки, и в горле у Мари встал комок.

— Жан-Люк, — сказал Джанни, — высокомерный слюнтяй. Он не может обойтись без помощи какой-нибудь очаровательной глупышки.

Услышав это, Мари стиснула зубы. Она знала, что Джанни получает удовольствие, видя ее раздражение.

— В общем, — сказала она, пряча малопривлекательные мысли подальше вглубь сознания, — Жан-Люк жил в отеле пару недель и был, надо сказать, м-м-м... очарователен.

Надо признать, что она проглотила наживку вместе с леской и грузилом! Но что в этом такого удивительного? Жан-Люк — настоящий француз, обаятельный красавец! Он ухаживал за ней, уделял ей внимание, и она, глупышка, действительно купилась на все. Пробудь он там еще неделю-другую, она бы и в постель с ним легла.

Джанни фыркнул:

— Да Жан-Люк не знает даже этого слова — очаровательный. И все-таки он вас надул.

Мари вспыхнула. Она чувствовала, как горячий румянец заливает ее лицо. Хуже всего было то, что Джанни был прав.

— Да, надул.

— Ну и как? Он такой хороший любовник?

Глаза у Мари округлились.

— Не знаю. Этой ошибки я не совершала.

— Должно быть, Жан-Люк теряет квалификацию, — кашлянул Джанни и, прежде чем она успела что-либо сказать, продолжил: — Значит, он использовал вас, чтобы получить информацию об отеле и системе безопасности. После этого он пробрался к графине и был таков.

Мари вздохнула:

— Ну, примерно.

Джанни покачал головой и разлил чай.

— Молоко? Сахар? Печенье?

— Нет, спасибо. — Мари взяла чашку, сделала глоток и спросила: — Почему вы так милы? Чай? Печенье?

— Не вижу повода, почему бы нам цивилизованно не выпить чаю.

— Но повод есть, — с кривой улыбкой сказала Мари. — Коп и вор вместе пьют чай. Фантастика.

— Попробуйте печенье, — произнес Джанни, протягивая ей упаковку.

«Да уж, ситуация», — подумала Мари. Она представляла другой свою первую встречу с Джанни Коретти.

— Ладно, возвращаюсь к своему рассказу.

— Да. Потому что я пока ничего не понимаю.

— Абигейл не винила меня в краже, — объяснила она, вспомнив доброту пожилой женщины. — Зато обвинил в этом совет директоров, и меня тут же уволили.

— Я не удивлен. Вы позволили вору обвести себя вокруг пальца. — Джанни откинулся на стуле, нахмурился и поерзал. — И кому?! Не самому классному вору, надо заметить.

— От ваших слов я чувствую себя гораздо лучше, — с кривой улыбкой сказала Мари.

Глядя на сидящего напротив нее Джанни, она заставила себя признать:

— Я совершила ошибку, за которую пришлось расплачиваться Абигейл. Это неприемлемо. Я хочу вернуть ее ожерелье. Вернее — я просто обязана вернуть ей его.

Джанни легким кивком показал, что понимает, что ею движет. Но когда он заговорил, ощущение единодушия исчезло.

— Желаю вам удачи.

— Мне нужно больше, чем просто удача. Мне нужны вы.

Джанни коротко рассмеялся, сделал глоток чаю и покачал головой.

— А почему меня должно заботить то, что вам нужно?

— Потому что у меня есть те фотографии.

Черты его лица стали непроницаемы.

— Ах да. Ваш шантаж.

— Я предпочитаю называть это сотрудничеством к взаимной выгоде обеих сторон.

— Как волка не кличь, он все равно волком останется.

Мари предпочла игнорировать это замечание.

— Я провела свое расследование. Сразу после ограбления я уехала из Нью-Йорка. Купила билет во Францию и несколько месяцев провела путешествуя по Европе. Сначала я пыталась найти Жан-Люка в Париже, но там его не оказалось. Очевидно он...

— Он живет в Монако.

— Вот видите! Вы знаете то, чего не знаю я.

— Вынужден с вами согласиться, — кивнул он и нахмурился.

— В общем, когда мои поиски Жан-Люка не увенчались успехом, я поняла, что мне понадобится помощь. — Мари откинулась на спинку. — Хотя Европа не слишком большая, найти в ней вора все равно что найти иголку в стогу сена. Но каждый коп в мире знает о Коретти, а в вашей семье не делают секрета из того, где вы живете...

— А почему, собственно говоря, мы должны это скрывать? — пожал плечами Джанни. — Нас не разыскивает полиция.

Мари не стала с ним спорить.

— Мне нужны были лучшие, а семья Коретти считается одной из самых лучших.

— Мы, конечно, польщены, — протянул Джанни.

— Я отправилась в Италию, связалась кое с кем из Штатов по старой памяти и получила достаточно информации, чтобы найти, где живет ваш отец.

Мускул на его подбородке снова задергался, а костяшки пальцев, обхвативших чашку, стали такими же белыми, как и вся его кошмарная квартира.

— После этого я стала за ним следить.

— Вот как, — повторил Джанни и еще сильнее сжал челюсти.

Мари кивнула:

— Я остановилась в местном отеле и стала изучать его привычки. Он очень мил. Однажды он даже купил мне чашку кофе в своем любимом кафе. Он сказал, что у меня очаровательный акцент, и пожелал мне приятного отдыха в Италии.

Джанни вздохнул и закатил глаза.

— Ваш отец очень красив. Он кое-кого мне напоминает...

— Джорджа Клуни, — не разжимая губ, сказал Джанни и коротко простонал. — Моя сестра считает его Джорджем Клуни в итальянском варианте — старше, ниже ростом...

Мари улыбнулась при этом сравнении.

— Точно. — Пару секунд она молча разглядывала его. — Должно быть, вы похожи на свою мать.

Джанни усмехнулся:

— Очень смешно. У вашей истории будет конец или нет?

— Да, — вернулась Мари к тому, с чего начала. Сказать по правде, она начала получать удовольствие от этого разговора. — Мне повезло, когда я сделала ту фотографию, — признала она. — Я последовала за Ником на вечеринку во дворец и целый час сидела неподалеку, наблюдая, как приезжают и уезжают богатые и знаменитые. Потом мне это надоело, и я уже собиралась уходить, как вдруг заметила вашего отца, покидавшего дворец через окно второго этажа. Он меня не видел и сразу отправился домой. — Мари еще раз отпила из чашки.

— Почему я? — спросил Джанни. — Почему вы не пошли к отцу? Или к Пауло?

— Потому что вам есть что терять, — ответила Мари, не отводя взгляда. — Последнюю неделю я следила за вами и думаю, лондонским копам будет интересно знать, как много времени Джанни Коретти проводит в дорогих ювелирных магазинах.

Джанни нахмурился:

— Я искал подарок.

— Не думаю, что ваши красотки сумеют отличать эксклюзивную вещь от вещи, купленной на барахолке. Так что думаю, лондонскую полицию заинтересует ваш внезапный интерес к ювелирным магазинам.

Джанни громко скрипнул зубами.

— Думаю, у полицейских и без меня работы хватает.

— Может, вы и правы, — легко согласилась Мари. — Но ведь есть еще и Интерпол, не так ли? Я знаю о вашей сделке. Да, вы отошли от дел, но ваша семья нет. Если они увидят это фото, ваш отец отправится за решетку, а сделка будет расторгнута.

— С чего это вы решили?

Мари плотоядно улыбнулась:

— Ваше желание стать законопослушным гражданином, Джанни, немного тревожит

представителей власти, которые еще помнят о вашем недавнем прошлом.

Джанни потер рукой по шее. Тяжело вздохнув, он снова встретился с ней взглядом.

— Думаете, завладели мной с потрохами? Что конкретно вам от меня надо?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне найти Жан-Люка и отдать ожерелье Абигейл Уэйнрайт. Я хочу вернуть себе репутацию. — Она сложила руки на столе. — Как только я это получу, я отдам вам фотографию и исчезаю из вашей жизни.

Джанни сделал глоток чая и пожалел, что это не виски. Как ни крути — он оказался в ловушке. При мысли об этом в венах его вскипала ледяная ярость. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, Джанни ругал себя за то, что его отвлекают темно-рыжие локоны и умные зеленые глаза этой женщины. Должен же быть какой-нибудь выход! Но его ум говорил ему: это тупик. Им придется сотрудничать, иначе отец может закончить свои дни в тюрьме. Но Ник Коретти привык к комфорту, обществу красивых женщин и к абсолютной свободе действий. Пребывание за решеткой сломит его дух.

— Я обо всем позабочусь, — услышал он свой голос. — Как только я найду ожерелье, я свяжусь с вами.

— Не думаю. — Мари трянула головой, и ее чудесные волосы заплясали вокруг лица непослушными прядями. — Я не выпущу вас из поля своего зрения, пока ожерелье не будет в моих руках.

— Вы обращаетесь ко мне за помощью, но при этом мне не доверяете? — презрительно фыркнул Джанни.

— Вы ждете, что я буду вам доверять, когда мне пришлось шантажом выбить из вас согласие мне помочь? Я бывший коп, не забыли?

— Послушайте, — начал он. — Через несколько дней я должен присутствовать на семейном собрании, на острове Тезоро. Прежде чем я отправлюсь на поиски Жан-Люка, я должен побывать там.

Мари приподняла брови и кивнула.

— Хорошо. Я поеду с вами.

Джанни громко выдохнул:

— Я должен присутствовать на крещении племянника — сына моей сестры. Не могу же я привезти с собой незнакомую женщину.

Ее лицо оставалось невозмутимым.

— Но вам придется сделать это, — как ни в чем не бывало заявила она.

Не приехать на крестины он не может, его сестра никогда не простит ему этого. К тому же на этой неделе на острове должна состояться выставка драгоценностей, и сотрудники Интерпола, дабы уберечься от возможной кражи, хотели, чтобы он при этом присутствовал.

Принимая неизбежное, Джанни взглянул на Мари:

— Как пожелаете. Я возьму вас с собой на Тезоро, а после этого мы отправимся в Монако, чтобы я мог вернуть вам ваше чертово ожерелье.

— По рукам. — Мари встала и перекинула ремешок сумочки на плечо. — Когда уезжаем?

Мрачней от невозможности контролировать ситуацию, он произнес:

— Через три дня.

— Через три дня? — Мари пожевала нижнюю губу, и Джанни знал, о чем она думала. — Но как я смогу следить за вами все это время?

На взгляд Джанни, выход здесь был только один.

— Вы останетесь здесь.

— Прощу прощения? — недоуменно нахмурилась Мари.

— Нам нужно три дня, чтобы потренироваться, — продолжил он.

— Потренироваться?

Их взгляды встретились. Наконец-то в ее глазах появилось сомнение, немой вопрос. Неожиданно Джанни повеселел.

— Потренироваться, чтобы казаться парой.

— Какой парой? — Ее голос поднялся на одну октаву выше.

— Моя семья ни за что не поверит, что я приехал на такое событие с женщиной, которая ничего не значит для меня. — Он помедлил, наслаждаясь ее недоумением. — Так что на неделю или около того готовьтесь стать моей обожаемой невестой.

Глава 4

— Невестой?! — переспросила Мари, словно не веря собственным ушам. — Вы что, совсем с ума сошли?

— Ничуть. Если вы хотите сопровождать меня на остров, другого выбора у вас нет. Моя семья ни за что не простит мне, если я приеду на крестины с малознакомой женщиной.

— Разумеется! — поспешила вставить Мари. — Они скорее простят вас за то, что вы обручились с женщиной, с которой познакомились неделю назад.

Джанни пожал плечами, и игра его мускулов произвела на Мари впечатление.

— Моя семья ничего не знает о моей личной жизни. Они поверят мне, если я скажу, что влюбился в вас по уши.

Мари коротко рассмеялась. Это происходит с ней не наяву? Невеста Джанни Коретти?

— Мне не хочется лгать моей семье, — продолжал Джанни, — но это единственный выход.

— Можно сказать правду, — напомнила ему Мари.

— Вы обвиняете меня в том, что я — вор, и хотите правды?

Мари насупилась: в этом Джанни был прав. Однако быть его невестой... Нет, ей это определенно не нравится.

— Что, невеселые размышления? — спросил Джанни. Он явно получал удовольствие от того, как неуютно она себя чувствует. — Это в вас говорит ваше офицерское прошлое, — участливо заметил он.

— Вы такой понимающий, — съязвила Мари.

— Да, мне говорили, — ничуть не смутился Джанни. — Но мы можем пойти и другим путем. Вы можете подождать, пока я не...

— Нет, — тут же оборвала его Мари. Он знает об ее угрозе и может предупредить отца, а тот чего доброго сделает ноги. Или они оба могут залечь на такое дно, что никакая полиция их не отыщет.

— Как я и сказала, я не выпущу вас из поля своего зрения, пока не получу ожерелье назад.

— Тогда нам нужно забрать вещи из вашего отеля. И давайте уже начнем изображать влюбленную пару. Нам надо потренироваться.

Мари нервно хмыкнула. Неужели она чувствует к Джанни какое-то влечение?

«Жаль, что мы находимся по разные стороны баррикад», — с легким уколом сочувствия подумала она.

Мари направилась к гостиной, но Джанни ухватил ее за руку, и она остановилась. В то же самое мгновение ее бросило в жар от его прикосновения. Она выразительно взглянула на его руку, и он тут же ее отпустил.

— Еще не поздно отказаться от этой идеи, — сказал он, глядя на нее. — Если мы начнем притворяться, то дойдем до конца. Я не позволю волновать членов моей семьи просто так.

Темные глаза Джанни казались почти бездонными, и Мари просто таяла от его пронизывающего взгляда. На секунду ею завладело чувство вины, но оно также быстро отпустило ее. Она искренне не хотела, чтоб Ник Коретти отправился за решетку. Конечно, он вор со стажем, но с ней он был так мил...

— Я не передумаю, — заявила она и распрямила плечи. — Я пойду до конца, пока не получу то, ради чего я здесь.

Джанни кивнул, и уголок его губ пополз вверх.

— Что ж, тогда мы официальные влюбленные.

В животе у Мари что-то перевернулось, когда он неожиданно наклонил голову.

— Скрепим сделку поцелуем?

— Ну... — пробормотала Мари, ее взгляд был устремлен на его губы, которые приближались к ней все ближе и ближе... Она быстро отступила на шаг и поспешно сказала: — В этом нет

необходимости.

Мари мысленно обругала себя. Ей стоило безразлично пожать плечами и поцеловать его. Нельзя позволить ему завладеть ситуацией, но ее так влечет к этому мужчине...

— Родная, — пропел Джанни, делая обиженное лицо, — разве так относятся к мужчине, которого любят?

Мари обескураженно молчала и смотрела на него во все глаза.

Джанни остался доволен произведенным впечатлением:

— Привыкайте! Кстати, мы играем по вашим правилам, — добавил он с серьезным видом.

Мари очнулась.

— Мы будем парой исключительно на людях! — не очень уверенно заявила Мари.

— Не только. Моя семья захочет увидеть женщину, которая безумно в меня влюблена. Вы хорошая актриса?

«Жаль, что мне не придется изображать физическое влечение», — подумала Мари. — Изобразить любовь, пожалуй, будет посложнее».

— Когда я была копом, я работала под прикрытием. Я справлюсь.

— Поживем — увидим, — промурлыкал Джанни. Затем он взял ее за руку и добавил: — Давай-ка перетащим ко мне твои вещи и начнем тренироваться быть парой.

Мари велела своему сердцу перестать биться так часто.

Из квартиры Джанни они отправились напрямик в отель, в котором остановилась Мари.

— «Знак принца»? — спросил Джанни, когда они подъехали.

— «Под знаком принца», — поправила Мари, игнорируя его сарказм.

— Кажется, этому отелю кое-чего не хватает. Например, пространства, удобства, изюминки...

— И это говорит мужчина, который живет в айсберге, — парировала Мари.

— Вы думаете, меня заботит мнение шантажистки?

Мари делано пожала плечами, но ее вдруг охватило чувство вины. Она ведь и вправду была шантажисткой. Но разве Коретти согласился бы ей помочь просто так? А ей во что бы то ни стало нужно вернуть то ожерелье. И то, что ради этого придется притвориться невестой Джанни, — не беда. Она сумеет убедительно сыграть эту роль.

После того как ожерелье будет в ее руках, она сможет вернуться в Нью-Йорк, восстановить репутацию и найти новую приличную работу.

Они вошли в лобби отеля. «Интересно, что он думает об этом далеком от роскоши месте?» — подумала Мари.

Ее номер находился на последнем этаже, и, выяснив, что лифт не работает, она кивком показала Джанни на обветшалую лестницу. В ответ он пробормотал что-то на итальянском.

— Что вы сказали?

Джанни вздохнул и поднял на нее глаза.

— Я сказал, что вы, должно быть, упрямая женщина, раз решили поселиться здесь.

— Прошу прощения, но «Ритц» я позволить себе не могу.

— А жаль, — сказал Джанни с грустью и вдруг добавил: — *Cara* [1].

Мари прикусила язык, повернулась и вновь принялась подниматься по узкой лестнице.

— Полагаю, вы остановились на верхнем этаже.

— Да, — бросила она.

— Я так и знал.

— Что такое, Джанни? Вы привыкли промышлять по вторым этажам, и лишний пролет для вас вдруг превратился в проблему?

— Какое интересное предположение, — сказал он.

Мари обернулась в тот момент, когда он оказался напротив старого бронзового подсвечника. В лучах слабого света лицо Джанни казалось ей еще более мужественным. В его глазах плясали золотистые искорки, губы были сжаты, а подбородок выдвинулся вперед. Он по-прежнему был самым красивым мужчиной, с каким ей доводилось встречаться в своей жизни.

«Кажется, это мое задание обещает стать самым сложным за все время работы», — подумала Мари, продолжая подниматься по лестнице. Наконец они добрались до нужной комнаты и вошли внутрь.

— Через минуту я буду готова, — сказала Мари.

Вытащив из-под кровати большую кожаную сумку, она быстро набила ее джинсами, футболками и нижним бельем. Сверху легли тюбики и флакончики с косметикой. Закрыв сумку, Мари еще раз окинула взглядом комнату и повернулась к Джанни.

— Я готова.

— Я впечатлен, — ответил он. — Вы первая женщина, которая действительно сумела управиться за минуту.

— Я немного поднаторела в этом за последние несколько недель.

— Ах, ну да, — кивнул Джанни. — Вы же охотились за нами.

Он отошел от окна. Его до нелепости дорогие туфли казались совсем чужеродными на протертом до дыр ковре.

— Отдаю вам должное: вы упрямая и решительная женщина. Думаю, вы станете

восхитительной невестой. Я бы даже сказал, опасной.

— Опасной?

Он подошел к ней так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Он был так близко, что она могла почувствовать тонкий аромат его парфюма... Так близко, что температура между ними вдруг подскочила на несколько десятков градусов.

— Мой опыт научил меня, что женщина, у которой есть план, опасна.

Мари не чувствовала себя опасной, скорее неуверенной... Ее план почти провалился, и сейчас ей предстояло изображать невесту Джанни Коретти и жить в его доме.

— И как долго вы этим занимаетесь? — спросил Джанни.

— Занимаюсь чем? — вынырнула она из своих мыслей.

— Этим. — Он взмахнул рукой, обводя ею маленькую комнату. — Путешествуете по Европе, останавливаетесь в местах, подобных этому, преследуя мою семью?

— Пару месяцев.

Его бровь поползла вверх.

— И вы можете позволить себе всю эту... роскошь? Должно быть, работать в сфере безопасности в Америке прибыльно.

Мари взялась за ручки сумки.

— Не сравнить, конечно, с воровством, но мы не жалуемся.

— Туше. — Джанни взял сумку у нее из рук. — Одежда, которую вы упаковали в эту сумку, не годится для моей невесты.

Мари слегка покраснела.

— Это ваша проблема, — заявила она, — но эта одежда — все, что у меня сейчас есть.

— Что ж, тогда завтра же отправимся по магазинам.

— Мне не по карману магазины, в которых вы отовариваетесь, — пробурчала Мари и потянулась к сумке.

— Это не проблема. Так как вы будете изображать мою невесту, я за все заплачу.

— Я так не думаю.

— Никто не поверит в то, что вы моя невеста, если на Тезоро вы явитесь в выцветших джинсах и поношенной футболке.

Сказав это, Джанни двинулся к выходу, и Мари вынуждена была последовать за ним.

* * *

На следующее утро они завтракали на террасе, и Джанни вдруг попросил:

— Расскажите о себе.

Мари подавилась глотком кофе.

— Что вы хотите знать? — спросила Мари, глядя на него поверх своей чашки.

— Все. Но только в сжатом виде, пожалуйста. Прежде чем я представлю вас моей семье, мы должны узнать друг о друге хоть что-то.

— Уже тренируемся? — Мари попыталась пошутить.

— Считайте, что да.

Мари секунду подумала, затем сдалась.

— Хорошо. — Она поставила чашку на стол. — Я дочь, внучка и правнучка полицейских.

— Мои сожаления.

Мари бросила на него раздраженный взгляд:

— Моя мама умерла, когда мне было четыре года, и меня воспитывал отец. У меня два дяди и три кузена, с которыми я не так часто вижу. Мы с отцом жили вдвоем.

— Жили?

— Он умер несколько лет назад. — Голос Мари упал до шепота, и Джанни неожиданно ощутил к ней прилив искреннего сочувствия. Она сделала глубокий вдох и продолжила: — В общем, после того, как отца не стало, моя работа стала для меня смыслом жизни, и, когда я ее потеряла, я...

— Я понимаю, — кивнул Джанни. — Моя жизнь тоже несколько лет заключалась только в моей работе...

— В вашей работе? — перебила Мари. — Значит, воровство для вас — это работа?

— Воровство — это звучит так... вульгарно, — запротестовал он. — Впрочем, работа не лучше. Я предпочитаю называть это карьерой или... призванием.

— Замечательно, — сыронизировала Мари. — Теперь вы получили свое призвание — вас знают как мастера кражи.

— Мастер, — повторил Джанни и чокнулся с ней своей чашкой. — Что ж, мне нравится это слово.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Джанни спрятал усмешку, осушил остатки кофе и встал из-за стола.

— А теперь одевайтесь и отправимся по магазинам.

— Ненавижу таскаться по магазинам.

— А жаль, — сказал он, направляясь к раздвижным стеклянным дверям. — Лично я получаю

удовольствие от шопинга.

Хожение с Джанни по магазинам стало для Мари открытием.

Продавцы в самых дорогих бутиках буквально падали ниц, стоило ему войти.

Они заходили во все магазины на Бонд-стрит и покупали для Мари одежду, стоимость которой порой превосходила стоимость небольшого поместья. Джанни распорядился, чтобы все вещи незамедлительно отправляли в его пентхаус.

К тому времени, как они купили туфли от Феррагамо и подходящую под них сумочку, Мари уже валилась с ног от усталости.

— Ланч, любимая? — вдруг сказал Джанни, и она вздрогнула: так нежно, с ноткой страсти звучал его голос.

Последние пару часов Джанни упорно «тренировался» быть ее возлюбленным. При каждом удобном случае он брал ее за руку, касался волос и шептал на ухо что-то страстное и сексуальное, да так громко, чтобы окружающие могли слышать его.

Из-за него Мари пребывала в постоянном нервном напряжении. Ночью, ворочаясь на удобной кровати в его комнате для гостей, она никак не могла уснуть. Осознание того, что он где-то рядом, будоражило, а слыша, как он шагает по квартире, она напрягалась как натянутая струна. Как можно было отдыхать, зная, что такой мужчина, как Джанни, находится за дверью?

И вот сейчас...

Джанни снова коснулся ее. Мари вздрогнула и задрожала, чувствуя, как жаркое тепло охватывает ее тело. Она никак не могла привыкнуть к его прикосновениям. От взглядов, которые бросала на нее женщина за позолоченным кассовым аппаратом, Мари и вовсе стало некомфортно.

За кассой стояла высокая эффектная блондинка, с отличной фигурой, высокими скулами и уложенными на затылке волосами. Рядом с ней Мари ощутила себя замарашкой. А на фоне красивого британского акцента этой женщины ее американское произношение казалось ей деревенским и грубым.

Острый взгляд голубых глаз продавщицы устремился на ее безымянный палец без кольца, и она многозначительно взглянула на Мари. Приняв кредитную карту от Джанни, нимфа улыбнулась ему роскошной улыбкой, и еще раз окинула взглядом Мари, будто пытаясь понять, как она и Джанни могли оказаться здесь вместе.

Мари вскинула голову. Пожалуй, пора показать Джанни и этой продавщице, чего она стоит.

— Не откажусь от ланча, милый, — проворковала она. — Куда пойдём? В какое-нибудь уютное гнездышко? — Мари с обожанием взглянула на него, и ей показалось, что в глубине его темных глаз что-то жарко полыхнуло.

— Ты меня соблазняешь, дорогая, — прошептал Джанни и, проводя рукой по ее спине, задержался на ягодицах.

Мари тут же напряглась. Черт бы его побрал! — выругалась она. Воспользовался ситуацией.

— Но мы ведь еще не закончили с покупками. Заглянем в соседний магазин?

— Конечно, — стараясь вложить в голос как можно больше энтузиазма, сказала она.

— Вы счастливица, — вздохнула продавщица. — Это прекрасно: иметь бойфренда, который любит покупать красивые вещи своей подруге.

— Он не мой бойфренд, — автоматически сказала Мари, пытаясь незаметно скинуть его руку.

— Я ее жених, — тут же поправил Джанни, проигнорировав взгляд, который продавщица снова бросила на безымянный палец Мари.

Мари скрипнула зубами и, проведя рукой по его груди, опустила ее вниз, но до того, как ее ладонь легла на его пояс, Джанни остановил ее и пробормотал:

— Может быть, покончим на сегодня с покупками и вернемся домой на ланч? Хочу скорее оказаться с тобой наедине, любовь моя. — И для пущего эффекта он едва коснулся губами ее руки.

Дыхание у Мари перехватило, в животе что-то екнуло, а тело охватил жар. Его прикосновение так возбудило ее, а тело с готовностью откликнулось на эту неожиданную близость. Неужели ситуация вышла из-под контроля...

Глава 5

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал Джанни, засовывая руку в карман, где лежала маленькая бархатная коробочка.

— О боже, — простонала Мари, потянувшись к бокалу белого вина. — Пожалуйста, мне больше ничего не надо. У меня теперь столько платьев, что хватит на несколько жизней вперед.

Мари сделала глоток совињон блан двадцатилетней выдержки и снова потупила взор. Джанни улыбнулся: ему никогда не доводилось встречаться с подобными женщинами. Большинство женщин, которых он знал, были бы счастливы получить от него столько подарков, а Мари жаловалась так, словно ее скручивало от зубной боли.

Чем больше она стонала, тем большее удовольствие получал Джанни от своей затеи. Он сделал все, чтобы она выглядела подобающим образом: дорогая одежда, стильная итальянская обувь, модные аксессуары. И сейчас, во время обеда в одном из самых эксклюзивных ресторанов Лондона, он мечтал о том, чтобы поскорее оказаться с ней наедине.

В зале стояла тишина, нарушаемая лишь негромкими разговорами других посетителей. Мари была без сил, а от Джанни упругими волнами исходила энергия. Он чувствовал себя собранным и готовым к действию, как перед сложной работой. Мари интриговала его. До нее он встречался с женщинами, которым легко мог найти замену, но Мари была совершенно особенной.

В ее чистых зеленых глазах он читал решимость получить от него то, что ей нужно, и как можно скорее с ним распрощаться. Джанни вдруг поразило, что впервые не он, а женщина строила планы расставания.

Да, но почему же его это так возбуждало?

— Вы готовы сделать заказ или мне подождать?

Джанни взглянул на молодого официанта, стоявшего возле их стола.

— Мы готовы. — Он закрыл меню. — Два ростбифа, пожалуйста.

— Принято. — Официант взял оба меню и поспешил удалиться.

— А если я не хочу ростбиф? — нахмурилась Мари. — Может, мне хочется курицы или рыбы?

— Ты была бы разочарована, — спокойно сказал он, делая глоток вина.

— Тебе всегда надо все контролировать?

— По-моему, это тебе надо все контролировать, — возразил Джанни и потер подушечкой большого пальца небольшую коробочку с драгоценностью в своей руке.

— Неужели у тебя сложилось такое мнение обо мне? — подняла брови Мари. — По-моему, у меня просто есть чувство собственного достоинства.

— У меня тоже, — улыбнулся Джанни. — Ну а теперь, как я тебе и сказал, у меня для тебя кое-что есть.

Глаза ее подозрительно прищурились.

— И что же это? — осторожно спросила Мари.

— Какой энтузиазм! Совсем как у ребенка в Рождество, — поддразнил ее Джанни. Он так и лучился счастьем. Ему нравилось, что Мари упрячилась и препиралась по малейшему поводу, и Джанни находил это качество восхитительным.

— Я не ребенок, — тут же возразила Мари.

— Я это заметил, — с чувством сказал Джанни.

Мари поджала губы, но продолжала стоять на своем:

— К тому же сейчас не Рождество, а сегодняшних сюрпризов мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Всегда должно остаться место для еще одного. — Джанни положил перед ней маленькую коробочку.

Мари замерла. Казалось, будто она перестала дышать. Наконец она подняла на него глаза:

— Кольцо?

— Все-таки мы обручены, — пожал плечами Джанни. — Я помню, как продавщица смотрела на твою руку.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Это важная деталь того образа, который мы хотим создать. Я положил кольцо в карман еще утром до того, как мы вышли из квартиры. Просто забыл тебе его отдать.

Мари взяла себя в руки, подняла коробочку, открыла ее и шумно выдохнула.

— Я не могу его надеть. Оно же огромное, как айсберг!

Джанни ощутил прилив гордости. Это был большой бриллиант, один из самых больших когда-либо им украденных. Это кольцо служило для него своеобразным символом, именно поэтому он хранил его все эти годы.

— Я бы купил своей избраннице только такое кольцо, — сказал он, вытаскивая украшение.

— Такое... вызывающее и бросающееся в глаза?

Этими словами она снова поставила его в тупик.

— Ты первая женщина, которая сказала, что бриллиант «слишком огромен».

— Значит, я отличаюсь от остальных женщин, — заявила Мари и решительно отодвинула от себя коробочку.

— С этим я, пожалуй, соглашусь.

Мари еще больше сузила глаза.

— Ты сказал, что хранил его в квартире, но когда ты его купил?

— О, я его не покупал, — легко возразил Джанни.

Мари осеклась, глаза у нее стали огромными.

— Ты хочешь сказать, что украл его? — медленно начала она.

— Предполагается, что я его украл, — все так же беспечно поправил ее Джанни. — Это кольцо ценно мне исходя из сентиментальных соображений.

— И каких же?

Джанни некоторое время изучал ее взглядом, прежде чем заговорить.

— Если уж нам нужно изображать влюбленных, то мы должны кое-что знать друг о друге. Но, — тут он поднял палец, — мне есть о чем волноваться. А вдруг моя невеста шепнет что-нибудь своим бывшим дружкам-копам?

Мари приняла оскорбленный вид, и глаза ее гневно сверкнули. Джанни снова был заинтригован: эта женщина все больше возбуждала в нем желание.

— Что?! — яростно спросила Мари. — Думаешь, меня подослали?

— Что ты, — успокоил ее Джанни и добавил чуть тише: — Но все возможно.

По его спине вдруг пополз холодок. А что, если Мари в самом деле подсадная утка? Объявилась в его квартире с шантажом, а сама выведывает информацию о нем и о его семье?

Джанни пристально посмотрел ей в глаза, пытаясь проникнуть в душу. Когда Мари снова заговорила, он вслушивался в ее слова и старался читать между строк.

— У меня нет с собой никаких подслушивающих устройств, — срывающимся голосом сказала она. — Можешь меня обыскать, если хочешь.

Его воображение сразу разыгралось. Он представил себе, как расстегивает ее новую белую шелковую блузку, стягивает ее с плеч, расстегивает бюстгальтер и касается тела в попытке обнаружить присоединенный к ней датчик. Его тело мгновенно откликнулось на эту мысленную картину, и Джанни порадовался, что сидит за столом. Идти в таком возбужденном состоянии было бы больно, и к тому же это привлекало бы внимание.

— Обыскать тебя — соблазнительная мысль, — хрипло сказал Джанни.

В глазах Мари вспыхнуло пламя, которое она не успела потушить.

— Оставим мысль о моем обыске, — натянуто произнесла она.

Джанни продолжил:

— Ты можешь работать на правосудие, и наша встреча может быть подстроена.

— Тебе не кажется, что это слишком запутано? — прищурилась она. — Но если хочешь, я скажу еще раз. Я ни на кого не работаю. И как ты представляешь себе мой разговор с полицией? У меня даже нет никаких доказательств, чтобы подтвердить все сказанное тобой.

Несколько секунд Джанни молчал, затем медленно произнес:

— Что ж, убедила. — И он вдруг неожиданно для себя решил: — Если ты дашь мне слово, что информация обо мне и моей семье не пойдет дальше, я могу кое-чем с тобой поделиться.

Мари явно была удивлена и не стала скрывать этого.

— И ты поверишь моему слову? — недоверчиво спросила она.

Джанни улыбнулся про себя. Она была копом до мозга костей, и не важно, что в настоящий момент она не работала в полиции.

— Да, я поверю тебе на слово.

Мари слабо улыбнулась:

— Тогда оно у тебя есть. Все, о чем ты мне расскажешь здесь или на острове, останется между нами.

Джанни склонил голову набок.

— Что ж, будем считать, что мы достигли соглашения. — Он вытащил кольцо из коробочки и принялся его разглядывать, поворачивая в руках то в одну, то в другую сторону, любуясь тем, как сияет на солнце огромный бриллиант. — Я украл это кольцо двенадцать лет назад. Это стало нашим с Пауло первым серьезным делом.

У Мари перехватило дыхание. Джанни знал, что застал ее врасплох своим признанием, но надо было отдать ей должное: она его не перебивала.

— Мы были в Испании, — сказал он, и перед ним сразу же возникла та теплая летняя ночь в Барселоне. Они с Пауло разработали план, обменялись стратегиями и отправились воплощать

свой план в жизнь.

Искусству воровства в семье Коретти учили с молодых ногтей. Все без исключения, они могли на глаз определять качество бриллиантов, ускользать от погони, выкарабкиваться из любых ситуаций.

Из общей обоймы выпадала только его сестра Тереза. Она всегда хотела быть честной и работать как все. Человек, у которого он украл антикварный кинжал и который впоследствии стал мужем Терезы заставил Джанни пересмотреть свое отношение к жизни. В его лице на Джанни словно снизошло озарение, после которого он решил окончательно изменить свою жизнь. Но Пауло и его отец продолжали жить воровством, поэтому он не имел права рисковать их свободой.

— Обладательница этого кольца была очень мила, — продолжил свои воспоминания Джанни. — Пауло даже немного увлекся ею.

— И все равно украл у нее кольцо, — укоряюще сказала Мари.

— Украл, — согласился Джанни. — Не красть для нас все равно что для тебя украсть. Мы пробрались на вечеринку в ее доме недалеко от Барселоны, смешались с гостями и, незамеченные, пробрались в ее спальню, где стоял сейф, в котором она хранила свои драгоценности. Все прошло как по нотам.

— И вы даже не попали под подозрение? — не поверила Мари.

— А почему, собственно, мы должны были под него попасть? — Джанни улыбнулся и сжал руку в кулак, чувствуя, как острые грани камня впиваются в ладонь. — Мы были двумя обычными гостями среди сотен присутствующих. К тому же мы покинули вечеринку до приезда полиции.

— Не понимаю, восхищает меня это или ужасает...

Джанни хмыкнул, раскрыл ладонь и снова взглянул на кольцо.

— Голосую за то, чтобы восхищаться.

Наконец подали еду. Когда они остались одни, Мари взглянула на свою тарелку и неохотно призналась:

— Ростбиф выглядит аппетитно.

— Это их фирменное блюдо, — сказал Джанни. — Когда я бываю в Лондоне, я всегда сюда заглядываю.

Он протянул ей руку, предлагая взять кольцо с его ладони.

— Это не мое кольцо, — тут же возразила Мари. — Оно принадлежит той женщине из Барселоны.

— Вот уже двенадцать лет оно принадлежит мне.

— То, что оно у тебя, не значит, что оно твое.

— Это ты так думаешь. — Джанни взял нож и вилку и нахмурился, когда Мари попыталась вернуть кольцо. — Оставь его, Мари. Эта деталь очень важна для нашего небольшого

недельного спектакля.

Мари взглянула на кольцо.

— Не уверена, что мне это по силам, — пробормотала она.

— Придется постараться. На некоторое время тебе придется забыть про честность.

Мари больше не была уверена, что сможет все это вынести.

Жить вместе с Джанни оказалось не так просто, как она себе представляла. За прошедшие несколько дней они провели вместе очень много времени. Джанни был обаятелен, неотразим и сексуален. С ним было весело. В общем, Джанни был так очарователен, что Мари становилось все труднее ему противиться. Хотя она и боялась себе в этом признаться, но она хотела, чтобы он уже наконец поцеловал ее.

Мари взглянула на бриллиант на своем пальце и вздохнула. Камень был огромным, кольцо — украденным. Но почему-то она уже к нему привыкла.

Прошлой ночью они танцевали вместе под томные звуки музыки. Джанни прижимал ее к себе, и она таяла от его прикосновений. Его темные глаза пристально смотрели на нее, и в глубине этих глаз что-то жарко полыхало...

— Вот ты где, — вторгся в ее мысли голос Джанни, и Мари возблагодарила небеса.

Отвернувшись от каменного поручня и от текущей перед ними Темзы, она взглянула на него. Его темные волосы растрепал ветер, отчего он показался Мари еще более привлекательным. Пульс у нее участился.

В руках у Джанни были две большие чашки, одну из которых он протянул ей.

— Латте?

— Спасибо.

— О чем ты думала? — лениво поинтересовался он, вставая рядом с ней. — У тебя было такое сердитое выражение лица.

— Да так, ни о чем особенно, — солгала Мари и подумала, что с каждым разом ей становится все легче врать. Она взглянула на здание британского парламента.

— Ты не умеешь лгать, — с улыбкой заметил Джанни.

— Ну спасибо. А я думала, что уже добилась прогресса.

— Нет, тебя выдают глаза, они слишком честные.

Мари рассмеялась:

— Честность не болезнь, знаешь ли. Она не заразная.

— Скажи об этом моему брату Пауло. — Джанни обхватил себя за локти и взглянул на реку. —

После того как я заключил сделку с Интерполом, Пауло сохраняет дистанцию между нами. Он как будто боится, что муха честности, которая недавно укусила меня, может укусить и его. А наша сестра будто впитала свою честность с молоком матери.

— Твоя сестра Тереза? — спросила Мари, поворачиваясь к нему и подставляя лицо ветру. — Та, которая живет на Тезоро?

— *Si*, — с нежностью в голосе сказал Джанни. — Она моя единственная сестра, и она с самого детства знала, что не пойдет по той тропе, по которой шли поколения Коретти.

— Ух ты. — Мари знала, что значит расти в семье с многолетними традициями. Она даже не представляла, что о ней подумают, если она выберет другую карьеру. — И как твой отец к этому отнесся?

Джанни подумал.

— Сначала он был разочарован. Но потом поддержал ее, он ведь желает ей счастья.

— Похоже, Ник хороший отец.

Джанни повернулся к ней, и они встретились взглядами.

— Так и есть. Он всегда нас поддерживает. После смерти нашей матери он решил жить один, но никогда не раскисает.

— Мой отец тоже был то, что надо, — с тоской сказала Мари, думая о том, как же ей его не хватает. — Он никогда не унывал. Всегда заставлял смеяться, обнимал меня и говорил, что все будет хорошо. Всегда был рядом. Пока его не стало.

— Как давно это случилось?

— Пять лет назад. Патрульную машину протаранил пьяный водитель. Он умер мгновенно.

— Мне жаль. — Джанни взял ее за руку.

От тепла его руки ей стало легче, но это прикосновение пробудило в ней и другие чувства. Те, о которых она старалась не думать...

Держа ее руку в своей, Джанни выпрямился и направился вперед.

— Куда мы идем?

Он бросил на нее взгляд:

— Домой, собирать вещи. Завтра мы отправляемся на Тезоро.

— Завтра? — Сердце у Мари екнуло. Завтра она встретится с его семьей и будет лгать людям, которых она даже не знает. По телу пробежала дрожь.

— *Si*, — сказал Джанни. — Пора. Мне сообщили, что я должен быть там до того, как откроется выставка драгоценностей, а моя сестра захочет, чтобы я уделил время племяннику.

— Ясно, — кивнула Мари и постановила себе, что пора уже начинать этот фарс с помолвкой. Придется пережить крестины, дожидаться, когда Джанни закончит свою работу, затем они

найдут Жан-Люка и вернут ожерелье. После этого она вернется в Нью-Йорк.

Странно только, что при мысли о возвращении домой ей вдруг стало грустно.

Глава 6

Ночь не принесла спокойствия. Мари долго крутилась на дорогих простынях, но никак не могла уснуть. Поворочавшись еще немного, она решила выйти на террасу и глотнуть свежего воздуха. Ветер поднимал ее волосы, заставлял короткую ночную рубашку прилипать к телу, но Мари было все равно: чувствовать на своем теле прохладу было чудесно.

На этой высоте шум раскинувшегося внизу города превращался в едва слышный гул. Мари вновь почувствовала прилив сил.

Сколько всего произошло за несколько дней! Джанни Коретти не переставал ее удивлять. Она ожидала, что у него окажется дурной нрав, но вместо этого он оказался компанейским и доброжелательным. Только вчера он возил ее в Вест-Энд. Они бродили по мостовым, а после зашли на ланч в уютное уличное кафе.

После этого, вспомнила Мари, он удивил ее еще раз.

Она смотрела в витрину бутика, а вокруг нее волновалось людское море. Все куда-то торопились, спешили. Но Мари почти ничего не замечала: ее вниманием завладели невысокие кожаные ботинки.

Глядя в витрину как в зеркало, она вдруг заметила Джанни. Он стоял перед уличным музыкантом и наслаждался звуками скрипки. Когда музыка закончилась, Джанни опустил в шляпу скрипача пачку банкнот. Когда он подошел к ней, Мари сделала вид, что ничего не заметила.

И что теперь она должна была думать о Джанни? Он был вором и человеком широкой души одновременно. Перед ней открылась та сторона его натуры, о которой она и не подозревала. Он оказался сложнее, чем она думала. Она была воспитана в понятиях хорошего и плохого, видела только белое и черное. Но сейчас она поняла, что мир гораздо сложнее.

— Ладно, — пробормотала Мари, — допустим, что я нервничаю.

— Для этого нет причин.

Этот глубокий мужской голос, донесшийся из-за спины, так напугал ее, что она подпрыгнула на месте.

— Хочешь, чтобы я свалилась с твоей террасы?

Джанни прислонился плечом к косяку открытой двери. Грудь его была обнажена, а на узких бедрах низко сидели черные шелковые штаны. В свете луны его кожа сверкала как тяжелая бронза. На груди выделялся рельеф мышц, а поясok его штанов был завязан так свободно, что достаточно было легонько потянуть за него, чтобы они упали на пол.

Мари судорожно сглотнула, почувствовав, как при этой мысли ее бросило в жар. Она надеялась, что освещение не позволяет ему видеть, как сильно она покраснела.

— Единственный способ свалиться с террасы, — сказал он, и в его голосе отчетливо зазвучал

итальянский акцент, — это взобраться на перила и спрыгнуть. Но ты ведь этого не сделаешь?

— Не знаю. Если ты подойдешь ближе... я... я даже не знаю, — хрипло прошептала она.

Желание жаркими волнами растекалось по ее жилам, между бедрами стало тепло и влажно. Когда Джанни в несколько шагов преодолел расстояние между ними и подошел к ней, она поняла, что дышать стало тяжело.

— Не приближайся, Коретти, — дрожащим голосом приказала Мари.

— А почему ты дергаешься, О'Хара? — раздался из темноты его низкий, обволакивающий голос.

— Я не дергаюсь, — как можно спокойнее сказала она. — Я просто... стараюсь быть осторожной.

— С чего бы это?

— Потому что... Ты... Я... — Она сдалась. — Это не такая уж хорошая мысль. — Мари хотела попятиться, но за ее спиной были перила.

— А по мне, это замечательная мысль. Мы оба взрослые. Оба знаем, чего мы хотим. Так что же заставляет тебя нервничать?

— В данный момент? Ты, — выпалила она.

Уголок его рта пополз вверх. Порыв ветра бросил его волосы на лоб, в тусклом свете его глаза были темные, как бездонные колодцы.

— Думаю, мне нравится заставлять тебя нервничать, — признался он.

— Вот спасибо, — сказала Мари отрывисто. — Рада, что могу сделать тебя счастливым.

— Мы могли бы оба быть счастливы.

Мари подняла голову. Джанни был так близко, что достаточно было поднять руку, и она коснулась бы его тела. Ее пальцы горели от желания прикоснуться к нему! Чтобы не надеть глупостей, она сжала руки в кулаки.

— И что это значит?

Джанни негромко рассмеялся, и от его смеха ее словно окатило горячей волной.

— Ты сама знаешь, что это значит.

Да, она знала. И если ее мозг все еще отказывался признать эту истину, ее тело уже трепетало. Медленно тлевший в ней огонь вдруг вспыхнул ярким пламенем.

— Да, знаю. — Она тряхнула волосами, упавшими ей на лицо, и встретила с ним взглядом. О да, она чувствовала, что даже одной ночи с ним ей достаточно, чтобы быть счастливой. — Но ничего не будет.

Джанни приподнял одно плечо.

— Решать тебе, но не забывай, что мы «обручены».

Как легко он это произнес! Несколько мгновений назад он соблазнял ее своим голосом и взглядом, а сейчас отмахнулся от этого небрежным пожатием плеч, как будто не замечая напряжения между ними.

— Почему ты не спишь?

— У меня чуткий сон. Я слышал, как ты открыла дверь и вышла, решил тебя проведать.

— Весьма... заботливо с твоей стороны.

— О, я вообще заботливый парень, — согласился Джанни. Его взгляд блуждал по ее любимой ночной рубашке со смешной картинкой и не менее смешной надписью. Его губы дернулись в улыбке.

— Нам надо было задержаться в магазине нижнего белья, — пробормотал он.

Мари почувствовала, как ее охватывает раздражение. Она скрестила руки, закрывая рубашку, которую ей подарил отец за год до своей смерти. В то Рождество она работала в ночную смену, и он подумал, что будет забавно преподнести ей такой подарок. Сейчас это было единственным воспоминанием об отце.

Несколько минут на террасе стояла тишина.

— Так значит, ты говоришь, что нервничаешь, — прервал ее Джанни.

Мари вскинула голову:

— Ты бы не знал этого, если бы не подслушивал.

— Но ты говорила сама с собой, — возразил он. — Так что, нам обоим должно быть немного стыдно. Но давай вернемся к твоим нервам.

— Со мной все будет в порядке.

— Точно? — Расстояние между ними сократилось до минимума, и Мари пожалела, что не может просто провалиться сквозь землю.

— Абсолютно. Я просто немного волновалась, удастся ли мне быть убедительной. — Она принужденно улыбнулась. — Как думаешь, это будет очень сложно?

— Притворяться моей возлюбленной? — Джанни подмигнул. — Обещаю быть внимательным и заботливым.

Вот этого-то она и боялась. За последние несколько дней они провели вместе чересчур много времени, и Мари всегда чувствовала себя как на иголках. Ей все сложнее было усмирять свое тело, взволнованное такой близостью, а мысли о работе и вовсе вылетели из ее головы.

Вот как сейчас.

Снова подул ветер, и Мари вдруг поняла, что на улице стало холоднее.

— Я замерзла, — сказала она, хваля себя за эту ложь. Ей хотелось наконец скрыться от его

взгляда.

— Браво.

— Что?

— Хвалю за ложь. Соврала не моргнув глазом. Я почти поверил.

— Почти? — Мари гордо вскинула подбородок.

— Ты даже ни разу не вздрогнула. — Он понизил голос. — К тому же тебя выдают глаза: они жарко пылают.

— Оставь это, Джанни, — сказала Мари, и голос ее дрогнул. Она сделала шаг вперед, надеясь, что он отодвинется и даст ей пройти, но он даже не шелохнулся.

Опустив руки ей на плечи, он удержал ее на месте. Мари пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и ее соблазнительные губы оказались рядом с его губами.

— Думаю, мне все-таки нужно кое-что сделать до нашего отъезда.

Ее сердце застучало как молот.

— Что именно? — выдавила из себя Мари.

— Поцеловать тебя, — понизив голос, сказал Джанни.

Она встрепенулась. Да-да, ей тоже этого хотелось! Но благоразумие взяло верх, и, едва оторвав взгляд от его губ, она произнесла.

— Это в нашу сделку не входило.

— Условия сделки всегда можно пересмотреть, — возразил Джанни, лаская ее взглядом.

— А зачем? Все это лишь на время.

— Но это не значит, что мы можем получать удовольствие друг от друга. Живи настоящим моментом, Мари.

Она никогда не жила настоящим. Она всегда строила планы, беспокоилась о будущем. Даже будучи ребенком, она всегда ставила перед собой цели. Ее жизнь и без мужчины была расписана по минутам и полна смысла.

Пока она не познакомилась с Джанни Коретти...

Как же так случилось, что первый мужчина, который заставлял ее тело петь, оказался совсем не тем человеком?

Джанни провел ладонью по ее плечам, и даже сквозь ткань ночной рубашки Мари почувствовала исходящее от него тепло. Он притянул ее ближе к себе, и Мари инстинктивно подалась вперед. Это была ошибка. Большая ошибка.

— Ты не сможешь притвориться, что мы интимно близки, — сказал Джанни, его дыхание коснулось ее губ, и Мари подавила желание приоткрыть их. — Члены моей семьи сразу это

заметят, и это натолкнет их на размышления, разве ты этого хочешь?

— Думаю, нет, — через силу согласилась Мари.

Джанни поднял одну руку с ее плеча и, проведя ею по волосам, положил ладонь на ее затылок.

— Нам нужно попробовать друг друга на вкус, Мари. Сейчас для этого самое время.

Мари молчала. Ее тело отказывалось подчиняться сигналам мозга, забрав себе всю власть. Она так долго держала свои инстинкты, свои потребности под замком, а сейчас они вдруг вырвались на свободу.

Здравый смысл твердил ей, что не стоит доверять Джанни, но он был тем единственным, кто будил в ней эту бурю чувств. Ей вдруг страстно хотелось узнать, каков он на вкус.

Джанни наклонил голову, коснулся ее губ, и из легких Мари сразу вышел весь воздух. Этот негромкий вздох словно послужил Джанни сигналом, потому что он положил руки ей на талию и прижал к себе так крепко, что у нее не осталось никаких сомнений в том, что он желал ее так же сильно, как она желала его.

Они стояли, и их притяжение друг к другу было невероятно сильным, их языки переплелись. Мари провела рукой по его крепкому, горячему телу и вцепилась в его плечи. Жар, исходивший от него, испепелял. Джанни поднял одну руку, пропустил пальцы через ее волосы и, удерживая ее голову в таком положении, срывал один поцелуй за другим, крал ее дыхание, лишал ее воли.

Его поцелуи обещали много больше, и Мари была покорена. В ее мозгу замелькали картинки. Они двое, в его огромной белой постели, среди смятых простыней, прижатые друг к другу тело к телу, кожа к коже... Пришло время чувствовать. Мари дрожала, охваченная неизведанными дотоле ощущениями, полностью отдавшись им во власть.

Обхватив ее плотным кольцом своих рук, Джанни прижимал ее все ближе и ближе к себе, пока она словно не растворилась в нем и не могла сказать, где кончалось его тело и начиналось ее. Он брал и давал. Джанни углубил поцелуй и застонал, когда ее язык смело встретился с его языком. Их дыхание слилось в одно, сердца стучали в унисон.

Казалось, что прошло несколько минут, а может, несколько часов. Мозг Мари отключился, ее тело пылало. Звездная, лунная ночь окружала их со всех сторон, принимая в свои объятия, ветер ласкал их тела. Весь мир словно сузился до размеров террасы. Осталась только она и он. Этот момент принадлежал только им, и Мари знала, что после этого между ней и Джанни все изменится.

Голова у нее кружилась, ноги ослабли. Когда Джанни наконец оторвался от ее губ, Мари покачнулась и уперлась в его крепкую грудь. Дыхания не хватало.

— Это было настоящее откровение, — наконец выдохнул он.

Мари негромко рассмеялась и кивнула. Джанни взял ее за подбородок и приподнял, пристально всматриваясь в ее глаза.

— Должен сказать, что поцелуй с копом превзошел все мои ожидания. Уж не обделял ли я себя все эти годы?

— Я тоже признаюсь, что никогда прежде не целовалась с вором, — шутливо сказала Мари. — И должна сказать, что это было весьма и весьма неплохо.

— Это все, что ты можешь сказать? — со смехом спросил Джанни. — Ставишь меня на место?

Мари улыбнулась ему.

— Кто знает? — поддразнила она. — Может, попрактикуешься и станешь еще лучше?

Джанни убрал волосы с ее лица, затем провел пальцами по ее подбородку и коснулся щеки. Его темные глаза по-прежнему смеялись, когда он сказал:

— Я не возражаю попрактиковаться еще, *saga*. Зачем останавливаться на достигнутом, если, приложив усилия, можно добиться совершенства?

Лучше об этом не думать, решила Мари.

Казалось, что поездка на Сент-Томас не закончится никогда.

Джанни был напряжен и винил в этом только Мари. Она сидела рядом в своей новой дизайнерской одежде, а он почему-то представлял ее в той нелепой ночной рубашке. Той самой, через которую он ощущал ее соски и которая едва прикрывала ее бедра.

Вместо аккуратно уложенных волос и безупречного макияжа ему чудились ее растрепанные волосы и припухшие от поцелуев губы. Все как той ночью...

Все же ему не стоило забывать о том, что эта женщина с ним только потому, что она угрожает свободе его отца. Она шантажом вынудила его сотрудничать с ней, а это вовсе нельзя назвать прочной основой для развития отношений между мужчиной и женщиной. Надо соблюдать дистанцию.

Они проведут неделю с его семьей, затем он вернет ей ожерелье и взамен получит от нее фотографии. После этого они должны расстаться навсегда.

Два часа спустя они прибыли на Тезоро. После приземления на Сент-Томасе они взошли на борт частного судна, который отвез их на остров, и за это время мысли Джанни прояснились. С тех пор как здесь поселилась его сестра, он привык приезжать сюда. Семья Коретти была дружной, и они не упускали ни единого случая, чтобы собраться вместе.

— Какой красивый.

Джанни взглянул на Мари, которая сидела напротив него на синей скамейке. Солнце золотило ее волосы, а ветер трепал локоны. Ее глаза сияли, когда она с жадностью всматривалась в остров.

На судне они были только вдвоем, но за время путешествия не обменялись ни словом. После прошлой ночи между ними вдруг возникла напряженность, в чем Джанни винил только себя. Он поддался капризу и вовлек ее в то, что сначала показалось ему только забавной игрой. Один поцелуй. Чтобы раздражить ее, заставить нервничать. Вот только это обернулось против него самого.

Еще никогда поцелуй не был таким взрывоопасным. Вкусив сладость ее губ, Джанни захотел

большого. Он был как изнемогающий от жажды мужчина, которому дали прохладной воды и отняли ее после первого же глотка. Он почти забыл, кто такая Мари и почему он с ней. Рядом с этой девушкой даже притупилась его природная осторожность, он был готов пуститься во все тяжкие, тем самым подвергнув опасности свою семью.

Ему было нелегко продолжать делать вид, что между ними ничего не существует. Нелегко было отстраниться от нее.

— Да, Тезоро — красивый остров, — сказал он, глядя на Мари. Он знал, какая картина открылась перед ней. Белые пляжи, пальмы, отбрасывающие тени на узкие дороги, громоздящиеся на скалах дома с терракотовыми крышами. Джанни знал, что порт наверняка будет забит местными рыбацкими суднами и туристическими паромами.

— Совсем как радуга, только на земле, — сказала Мари, стараясь перекрыть шум мотора. Она повернулась к нему и ослепительно улыбнулась.

«Мимо такой женщины не пройдешь», — подумал Джанни. Не только красивая, но еще умная, сильная и волевая. Да, его тянуло к ней не только физически...

— Здесь приятно жить, — согласился Джанни, заставляя себя сконцентрироваться на разговоре. — Тереза любит этот остров.

— А ты нет? — проницательно спросила Мари.

— Догадалась, да? — Джанни кивнул и перевел взгляд на быстро приближавшуюся гавань. — Это отличное место для отпуска. Подожди, сама увидишь.

— Похоже, это действительно замечательное место.

— О, несомненно. Но после недели жизни здесь меня охватывает беспокойство. — Джанни взглянул на нее. — Наверное, я привык жить в городе. Мне не хватает шума, бурлящей энергии, суеты. Здесь же все как в зачарованном королевстве.

Мари задумчиво кивнула:

— Мне тоже больше нравится жить в большом городе, мне кажется, что у каждого большого города есть свой неповторимый характер. Жизнь в городе насыщеннее. — Подставив лицо солнцу и соленому ветру, она закрыла глаза и добавила: — Но иногда и там можно забыть об этой суете и расслабиться.

Джанни стиснул зубы. Как же они похожи, а она почти идеал. Если бы не ее шантаж... «Как жаль», — подумал он, чувствуя сожаление, которое становилось сильнее с каждым днем.

Глава 7

— Похоже, нас встречают, — сказал Джанни, глядя на берег. — Я вижу свою сестру и ее мужа Рико.

— Проклятье! — вполголоса выругалась Мари. — Кажется, я опять начинаю нервничать.

И Джанни ее понимал. Врать, будучи вором, — это одно, но лгать своей семье — это совсем другое. И он снова напомнил себе, что все это ради спасения отца, его свободы, без которой он просто не сможет жить.

— Все будет хорошо, — ободрил он ее.

— Тебе легко говорить, ты ведь их знаешь.

— А ты знаешь меня, — негромко сказал Джанни.

— В самом деле? — Прищуренный взгляд ее зеленых глаз обратился на него.

Джанни приподнял бровь, по его губам скользнула усмешка.

— Ты выбрала неудачное время для того, чтобы заговорить на эту тему, — напомнил он. — Мы вот-вот сойдем на берег.

— Ты прав. — Мари вздохнула, решительно распрямила плечи и приподняла подбородок.

Джанни смотрел на нее во все глаза. Пропади он пропадом, если она не являла собой странную комбинацию твердой решимости и щемящей душу уязвимости. Он стиснул зубы, подавляя порыв взять ее на руки, прижать к себе и держать ее так до тех пор, пока ее глаза не утратят настороженного выражения. «Дурак!» — молча выругал себя Джанни.

— Рад, что ты со мной согласна, — сказал он ей.

Судно причалило к берегу, и Тереза закричала, махая рукой:

— Джанни! Джанни! — Ее черные волосы были стянуты в хвостик, отчего она казалась слишком юной для того, чтобы быть женой и матерью. На ней были льняные шорты, красная хлопковая блузка и сандалии.

Джанни перепрыгнул через бортик и быстрым шагом зашагал по пирсу. Тереза бросилась к нему. Он приподнял ее, крепко сжал в своих объятиях и снова поставил на ноги.

— Материнство идет тебе на пользу.

— Ты всегда знаешь, что сказать, — засмеялась Тереза.

Джанни подмигнул ей.

Подошел Рико.

— Рад видеть тебя снова, — улыбаясь, сказал он. — Терезе не хватает ее семьи.

Джанни взглянул на него. Даже климат тропического острова не заставил его изменить свой гардероб: он по-прежнему был одет во все черное.

— Тебе надо как-нибудь выбраться отсюда и навестить меня в Лондоне, — сказал Джанни.

— Оставить остров? — Тереза снова засмеялась и покачала головой. — Никогда в жизни.

Джанни обернулся к лодке и помог Мари спуститься на причал. Голос Терезы внезапно стих, и Джанни распознал удивление в ее молчании.

Их глаза встретились, и Джанни мысленно приказал Мари расслабиться. Да, немного нервозности в такой ситуации — это даже естественно, но если она зажметесь, то все поймут, что что-то не так. Словно прочувствовав его тревогу, Мари кивнула, сделала вдох и заставила

себя улыбнуться.

— Джанни? — вторгся в его мысли голос Терезы.

Сжав пальцы Мари, он притянул ее к себе и, положив руку ей на плечи, повернулся к Терезе и Рико.

— Тереза, познакомься с Мари О'Хара, — сказал он.

В глазах его сестры отразилось недоумение, но он добавил:

— Мари — моя невеста.

— Что? — воскликнула Тереза. — О боже! Это замечательно! — Она счастливо засмеялась и крепко обняла Мари. — Рада познакомиться с вами. Это просто здорово! Мой старший брат собирается жениться! Ура! — Она выпустила Мари из своих объятий и снова пылко обвила руки вокруг шеи Джанни.

Чувство вины охватило Джанни. Оно только усилилось, когда Тереза прошептала ему на ухо:

— Я так рада за тебя, Джанни! Я хочу, чтобы ты любил и был любим. Я хочу этого для всей нашей семьи.

Джанни молча прижал ее к себе, чувствуя себя последним негодяем оттого, что ему приходится лгать своей сестренке. А ведь им предстояло играть этот спектакль не один день. Однако что сделано, то сделано и возврата обратно нет.

— А я рад, что ты рада, — сказал он.

Сияя от счастья, Тереза отпустила его и вновь повернулась к Мари.

— Какой чудесный сюрприз! — И она потащила Мари за собой. Джанни слышал, как она возбужденно говорила: — Уверена, что мы с тобой подружимся, Мари! А теперь я хочу все-все узнать. Ты должна рассказать мне, как вы познакомились и где, а еще нам надо обсудить планы на свадьбу и...

Мари бросила на Джанни взгляд полный отчаяния, но он ничем не мог ей помочь. Если его сестра что-то решила, то остановить ее было сложно.

«Ничего», — сказал себе Джанни, Мари это только пойдет на пользу. Она с самого начала нырнула на глубину, а когда из нее выплывет, будет легче. Когда Джанни с Рико наконец тронулись вслед за ними, женщины уже далеко ушли вперед.

— Тереза тревожится, что и ты, и Пауло и ваш отец слишком часто остаетесь наедине сами с собой, — заметил Рико.

— Мы одни, только когда сами хотим этого, — фыркнул Джанни.

Рико только хмыкнул в ответ.

— Когда-то я тоже был таким. Но Терезе сложно это понять. Для нее быть одному все равно что быть одиноким. А ей не нравится думать о том, что члены ее семьи могут быть одиноки.

Был ли он одинок? Странно, но прежде Джанни никогда не считал себя одиноким. Он был уверен, что и Пауло думает так же. Они жили каждый своей жизнью, по своим правилам. У них было время и на себя, и на женщин, но по своему опыту он знал, что стоит пробыть с женщиной дольше положенного, как она уже начинает строить планы о домике с белой изгородью, мечтает о детях... Его же это не интересовало.

Он вдруг понял, что за эти несколько дней, что прожил с Мари, он не думал об этом. Ему доставляло удовольствие находиться в ее компании, и она не успела ему наскучить. А ведь они даже не переспали!

Пока.

— Уверен, что к тому времени, как мы дойдем до отеля, — продолжал Рико, — Тереза вытянет из Мари все насчет вас.

Это замечание отрезвило Джанни, и он нахмурился еще больше.

— Пока мы не дошли до них, — сказал Рико и остановился, выжидающе взглянув на Джанни, — есть кое-что, о чем мне хотелось бы с тобой поговорить.

Они стояли в тени пирса, а в пронизывающем ветре чувствовались аромат цветов и соленый запах бескрайнего моря. Джанни резко перевел взгляд на Рико и вскинул бровь.

— Это касается выставки драгоценностей, — помолчав, медленно произнес Рико. — Я хочу, чтобы ты дал мне слово, что Коретти не будут работать на этой неделе.

Джанни не выдержал и улыбнулся. Он не мог винить Рико за проявленную осторожность. Несколько лет назад Джанни украл из его коллекции золотой антикварный кинжал ацтеков. Именно благодаря этому кинжалу он впервые подумал о том, что живет неправильно и пора что-то менять в своей жизни.

То, что у Рико были сомнения, вполне объяснимо: Джанни и сам время от времени думал о том, как долго он сумеет продержаться на этой узкой, праведной тропинке, которую он выбрал себе в качестве нового жизненного пути.

— Даю тебе слово, Рико, — сказал он. — И я говорю от имени папы и Пауло тоже. Ты член семьи, а для Коретти семья дороже всего.

Рико кивнул:

— Хорошо. На этой неделе я не хочу никаких неприятностей. На этой выставке будут присутствовать самые известные ювелиры со всего мира. Они готовились к этому событию целый год, и я хочу, чтобы все прошло гладко.

— Я с тобой полностью согласен по этому поводу. К тому же, — напомнил он, — это моя работа: следить за толпой и сообщать в Интерпол обо всем подозрительном.

Рико кивнул и зашагал дальше. Джанни шел рядом.

— Моя служба безопасности самая лучшая в мире, — с ноткой гордости сказал Рико.

— Да, твоя служба безопасности надежна, — согласился Джанни и мягко добавил: — Но я лучше.

Рико нахмурился и недовольно пробормотал:

— Может и так. — Его взгляд снова устремился на шагавших впереди них женщин. — Значит, обручен, — сменил он тему. — Как это случилось?

Джанни подумал секунду. Он мог бы солгать, как и планировал, но когда его взгляд задержался на женщине с пламенеющими волосами, которая в последние дни постоянно присутствовала в его мыслях, он сказал чистую правду:

— Она поразила меня в самое сердце.

— Это закружило нас, как... вихрь. — Мари сделала глоток кофе. В душе она негодовала, что из-за этой безумной затеи она сидит здесь с милой женщиной и лжет ей не моргнув глазом.

Тереза Коретти-Кинг была доброжелательной и приветливой женщиной. Она так радовалась за брата, что Мари устыдилась своей лжи. Но делать нечего, придется продолжать играть свою роль. Если признаться, что она шантажирует Джанни, а на руках у нее есть улики, которые угрожают свободе их отца, то Тереза, без сомнения, сразу станет к ней холодна. Поэтому Мари улыбалась и молчала.

Мари обвела взглядом пентхаус в «Тезоро Касл» — роскошном отеле Рико. Помещение было просторным, и в отличие от стерильно-белой квартиры Джанни все в номере изобиловало яркими цветами. Вид из окон открывался фантастический: песчаные пляжи, деревья и кустарники, цветочные клумбы, а рядом — океан.

С того момента, как они сошли на берег, прошел час. После вкусного обеда в ресторане отеля женщины поднялись наверх, для того чтобы поближе познакомиться. И Мари это тревожило. Чем больше она общалась с Терезой, тем сложнее ей было отвечать на вопросы. Она совсем запуталась в своей лжи.

— Я так счастлива за вас обоих! — воскликнула Тереза. Она держала на руках своего двухмесячного сына Маттео и с улыбкой обратилась к мужу: — Это так романтично, правда, Рико?

Рико взял Маттео к себе и со скупой улыбкой согласился:

— Да, все произошло очень быстро.

Мари взглянула на Джанни и по тому, как он ерзал на стуле, поняла, что ему тоже не по себе.

— Не припомню, чтобы ты так уж ухаживал за Терезой, — негромко произнес Джанни, и Рико кивнул, соглашаясь.

Тереза шутливо нахмурилась:

— Он думает, что сейчас, когда мы женаты, романтика нам больше не нужна.

— Я ухаживал за тобой до посинения и продолжаю это делать, — возразил Рико и наклонился, чтобы поцеловать жену. — Разве мы живем в отеле не потому, что в нашем доме идет ремонт, чтобы ты могла отделать его по своему вкусу?

Тереза вздохнула и кивнула.

— Ладно, согласна, ты по-прежнему романтичен. И потекаешь мне во всем. — Она взглянула на Мари. — У нас чудесный дом на холме как раз за отелем. Рико жил там, до того как мы познакомились, поэтому сейчас, когда у нас семья, его нужно переделать. — Тереза перевела взгляд на сына. — Мне хочется, чтобы он стал уютнее теперь, когда у нас есть ребенок. Кузен Рика Шон Кинг тоже живет на острове вместе со своей женой Мелиндой. Он нанял подрядчиков, которые занимаются ремонтными работами, поэтому мы сейчас живем в отеле.

— Думаю, Мари не интересно об этом слушать, — сказал Джанни.

— А я думаю наоборот. Все женщины обожают заниматься обустройством дома, — возразила Тереза.

— После того как ваша команда закончит работу над вашим домом, вы можете послать их в квартиру к Джанни. Думаю, они ему не повредят, — сказала Мари.

— Вижу, что это заразно, — усмехнулся Джанни.

— Не нужно быть дизайнером, чтобы понять, что единственные удобные стулья в твоём доме — на террасе, — возразила Мари.

Джанни нахмурился, и Тереза весело рассмеялась.

— Вы мне нравитесь, Мари.

Джанни вскинул бровь.

— Мой дом не нуждается в услугах дизайнеров.

— Ну конечно, — с улыбкой сказала Тереза.

— Я тоже думал, что мой дом не нуждается в переделке, но Тереза меня переубедила, — вставил Рико.

Тереза с любовью взглянула на него, а Рико в ответ посмотрел на нее с обожанием.

Они являли собой счастливую пару, и Мари подумала, как, наверное, здорово знать, что тебя любят, и чувствовать себя счастливой каждый день.

— Идея! — вдруг воскликнула Тереза. — Вы должны пожениться здесь, на острове!

Мари ошеломленно уставилась на Терезу.

— Мы можем сыграть свадьбу на этой неделе! Соберется вся наша семья. — Она тут же потянулась к блокноту и ручке, лежавшим на кофейном столике, и принялась делать какие-то записи.

Рико пожал плечами.

— Тереза разбросала ручки и блокноты по всему отелю, чтобы можно было сразу же записывать рецепты, приходящие ей в голову.

Мари недоуменно взглянула на Джанни.

— Тереза решила стать не воровкой, а шеф-поваром. И надо признать, повар из нее вышел замечательный.

Тереза оторвалась от блокнота и несколько секунд пристально смотрела на Джанни, а потом взглянула на Мари.

— Значит, вы в курсе того, что представляет собой наша семья?

— Да. — Мари почувствовала облегчение оттого, что в этот раз можно не лгать.

Тереза моргнула, но Джанни хмыкнул:

— Ты думала, что я ей не расскажу?

— Наверное, ты должен был, — призналась она. — И я рада, что Мари знает. Нельзя начинать серьезные отношения со лжи, это я знаю точно.

— Забудь об этом, Тереза, — мягко сказал Рико. — Пусть все останется в прошлом.

— Хорошо, что вы знаете. Лгать долгое время просто невыносимо.

— Тут я с вами полностью согласна. — Мари поежилась.

— Так, а теперь вернемся к свадьбе, — продолжила Тереза. — Мари, Рико может доставить на остров вашу семью, а вы с Джанни можете остаться здесь на медовый месяц. Для нас это ведь не станет проблемой, верно, Рико?

— Тереза, — предупреждающим тоном сказал Рико.

Не обращая на это внимания, Тереза воодушевленно продолжала:

— Свадьба на Тезоро — незабываемое мероприятие. В деревне есть чудный свадебный салон — уверена, у его хозяйки обязательно найдется какое-нибудь платье, которое тебе понравится, но в случае необходимости мы можем на денек смотаться на Сент-Томас. По-моему, замечательная идея! А свадебный торт я сделаю сама лично — не хочу доверять это никому другому.

Мари растерянно молчала, хотя вставить хоть слово в тираду Терезы и так не представлялось возможным. Сестра Джанни мчалась во весь опор, а Мари чувствовала, как ею начинает овладевать паника.

— Тереза, — вновь мягко вмешался ее муж.

— Что? — вскинулась Тереза. — По-моему, это замечательная мысль. Лучшего места для свадьбы, чем Тезоро, не найти. Все цветет, благоухает...

— Довольно, — негромко, но решительно сказал Джанни, прерывая свою сестру. — Хватит, Тереза. Мы не собираемся жениться на этой неделе.

Мари выдохнула от облегчения. Она уже начала бояться, что Джанни не вмешается, оставив ее объясняться с Терезой, почему они не могут пожениться.

В номер тихо вошла горничная с детской бутылочкой. Улыбнувшись, она передала ее Терезе и так же бесшумно вышла.

— Дай мне его, Рико, я его покормлю, — сказала Тереза.

— Отдай ей сына, Рико, — сказал Джанни. — Если она будет занята кормлением вашего ребенка, может, тогда она оставит в покое своего брата?

— Одно другому не мешает, — жизнерадостно заверила его Тереза и, взяв малышку на руки, нежно улыбнулась ему.

Мари смотрела, как ребенок жадно прильнул к бутылочке, и почувствовала укол ревности. Она поразилась сама себе. Неужели она хочет ребенка? Она ведь толком даже на свидания никогда не ходила... Мари быстро отбросила эту мысль. Думать об этом не время и не место. Ее взгляд снова остановился на младенце: он был темноволос и голубоглаз и походил на своего отца.

Семья Кинг была счастливой семьей, и с каждой секундой Мари все сильнее чувствовала себя здесь лишней. Ей было неловко лгать таким прекрасным людям, но Мари заставляла себя думать только о том, что ей нужно вернуть ожерелье. А потом она вернется к прежней жизни.

И Джанни вернется к прежнему образу жизни: снова начнет менять женщин каждую неделю, а его сестра, возможно, продолжит тайно надеяться, что однажды ее брат встретит настоящую любовь и создаст семью. А этот малыш, который продолжает приковывать ее взгляд, повзрослеет и никогда не вспомнит о ней.

Да, так оно и будет. Она снова вернется в Нью-Йорк и, скорее всего, окажется безработной: даже если она вернет ожерелье, вряд ли ее примут на прежнюю должность. Так что придется ей заняться поисками новой работы, и, наверное, с долей ностальгии она будет вспоминать дизайнерскую одежду, тропические острова и... холостяка в стерильно-белой квартире.

— Объясни мне, почему ты не хочешь жениться на этой неделе, — потребовала Тереза и, поцеловав сынишку в лоб, хмуро взглянула на Джанни. — Вы с Мари обручились, едва узнав друг друга. Что же мешает вам сразу же пожениться?

— Ты забыла? Я работаю на этой неделе, — напомнил сестре Джанни. — Я здесь для того, чтобы выполнить работу для Интерпола. К тому же мы должны крестить моего племянника, поэтому, для одной недели событий и так достаточно.

Мари не могла с ним не согласиться.

— Может быть, — неохотно призналась Тереза. — Но...

— Никаких но, Тереза, — не дал ей закончить Джанни. — У тебя сейчас есть муж и сын, вот на них и трать свою неуемную энергию.

Рико рассмеялся. Тереза возмущенно взглянула на него, а он усмехнулся, наклонил голову и крепко поцеловал ее в губы.

— Боюсь, в этом он прав, милая. Оставь его в покое.

Все еще хмурясь, Тереза взглянула на Мари:

— Желаю вам удачи с моим братом. Он такой... упрямый.

— Вот спасибо, сестра. — Джанни чокнулся с воздухом и выпил виски. Поставив бокал на столик, он взял Мари за руку и обратился к Рико: — Сколько людей будет присутствовать на

выставке?

— Этого сказать никто не может, — пожал плечами Рико.

— Но одно несомненно: такое мероприятие обязательно привлечет к себе внимание воров самого разного калибра. — Джанни многозначительно взглянул на Мари, и сердце у нее забило быстрее.

Он говорил о Жан-Люке. Что, если он объявится на выставке? Конечно, ему ни к чему так рисковать, но... «Он ведь может узнать меня, а увидев рядом со мной Джанни Коретти, он тут же заподозрит что-то неладное», — вдруг подумала Мари. Вполне возможно, он даст деру до того, как она сможет прижать его в угол и узнать об ожерелье.

— Есть кто-нибудь, о ком я в особенности должен предупредить свою службу безопасности? — проницательно спросил Рико.

— Жан-Люк Баптиста, — сказал Джанни. При этом имени Тереза вскинула голову и взглянула на брата.

— Жан-Люк? — Она презрительно сморщила нос. — Он не осмелится объявиться на Тезоро. Он для этого недостаточно искусен.

Мари едва заметно улыбнулась. Возможно, Тереза и не украла ничего в своей жизни, но, судя по всему, она была неплохо осведомлена. Она, кажется, даже оскорбилась при мысли, что Жан-Люк сможет увести что-нибудь из-под носа ее мужа.

— Да, Жан-Люк недостаточно искусен, — мягко согласился со своей сестрой Джанни, — но у него невероятное эго. Он настолько самоуверен, что может возомнить, что ему все по силам.

— Кто он такой? — вмешался Рико.

Джанни взглянул на него:

— Да так, один выскочка, считающий себя лучше, чем он есть на самом деле.

При этом описании Мари вздохнула. «Надо же было так опростоволоситься», — в который раз подумала она.

Рико принялся мерить шагами комнату.

— Если он недостаточно искусен, то почему должен пойти на риск и объявиться здесь? Думаю, будет осведомлен о повышенных мерах безопасности.

— Я же говорю — типичный выскочка, — пожал плечами Джанни и объяснил: — Он может объявиться на острове под чужим именем.

Рико медленно кивнул.

Мари слушала Джанни и думала о том, что в лице Джанни Интерпол обрел отличного сотрудника — искусного вора с поразительной интуицией.

— Так, значит, ты думаешь, что он появится?

— Я это допускаю. — Джанни сел на диван, все еще держа руку Мари в своей руке.

Подушечкой большого пальца он ласкал ее ладонь, и ей приходилось прилагать усилия, чтобы вникать в то, что он говорил. — Думаю, он может решить, что, если ему удастся совершить здесь кражу, его репутация от этого только выиграет.

— Как он выглядит? — деловито спросил Рико.

— Я могу тебе его описать, — подала голос Тереза.

Джанни кивнул и встал.

— Да, спроси у Терезы, она знает. А теперь мы отправимся к себе в номер, чтобы отдохнуть и освежиться. Увидимся за ужином.

— Да. Идите-идите! — смеясь, сказала Тереза. — Думаю, ваш багаж уже доставили. Рико поселил тебя там же, где и в прошлый раз, помнишь?

— Помню.

Когда они вышли из номера, он подмигнул Мари и удовлетворенно произнес:

— Кажется, все прошло хорошо.

Глава 8

Оказавшись в номере, первое, на что они обратили внимание, была огромная кровать. Пытаясь не думать ни о каких соблазнах, Джанни и Мари быстро распаковали вещи и, немного передохнув, спустились к бассейну. Джанни уже понял, что предстоящая неделя станет для него настоящим испытанием его силы воли, и Мари думала о том же.

— Сказочное место! — с восхищением воскликнула Мари, озираясь вокруг.

Джанни был с ней полностью согласен.

Рико удалось построить настоящий Диснейленд для взрослых. Из окон каждого номера открывался вид на океан, повсюду была дивная растительность, имелся спа-салон и несколько бассейнов. В тени деревьев прятались симпатичные бунгало. Для тех, кто мог позволить себе остановиться в «Кингс Касл», пребывание на Тезоро превращалось в рай на земле.

— Да, остров производит впечатление, — кивнул Джанни.

Мари остановилась и взглянула на него. В свете солнечных лучей ее темно-рыжие волосы пылали, как огонь, создавая впечатление сияющего ореола, а зеленые глаза серьезно смотрели на него.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросила она. — Я имею в виду Жан-Люка. Ты правда думаешь, что он может объявиться?

Джанни нахмурился и перевел взгляд на бассейн.

Именно в такой атмосфере предпочитал проворачивать свои делишки Жан-Люк. Он и стал вором только потому, что жаждал приобщиться к миру богатеев. В семье Коретти воровство уважали как самую настоящую работу. А для Жан-Люка воровство было игрой, которую он хотел выиграть. Вполне похвальная черта, если не считать того, что это толкало его, с точки

зрения Джанни, на ненужный риск.

— Как я и сказал, я это допускаю, — мягко сказал Джанни.

— Но если объявится здесь, вряд ли он возьмет с собой ожерелье.

Джанни перевел взгляд на нее:

— Нет. Он оставит его дома. Зачем таскать с собой трофеи, если хочешь пожить новыми?

— Согласна. — Мари кивнула. Судя по блеску в ее глазах, она напряженно думала. — Значит, нам все-таки придется отправиться за ожерельем в Монако.

— После выставки.

— Но если нам удастся схватить его здесь, нам будет легче потом, верно?

— Нам? — переспросил Джанни, и одна бровь его выразительно изогнулась.

Мари вскинула подбородок и прямо встретилась с его взглядом.

— Не забыл? Я когда-то была копом. А также экспертом по безопасности. Моя помощь может оказаться вовсе не лишней.

— А я раньше был вором, — напомнил он ей. — И думаю, мои прежние навыки пригодятся на этой неделе. Что же касается службы безопасности, то у Рико она на уровне.

— Одна пара глаз — хорошо, а две — лучше, — возразила Мари. — Так что, может, вместо того, чтобы показывать мне бассейны, покажешь, где будет проходить выставка?

Ее лицо приняло выражение упрямой решимости — Джанни уже видел ее такой раньше и понял: если он не покажет ей место проведения выставки, она сама его найдет.

Он вытащил из кармана мобильный телефон и набрал номер Рико.

— Я узнаю, где она будет проводиться, — коротко сказал он.

— Хорошо. — Ее лицо осветила довольная, широкая улыбка.

Одного взгляда на нее было достаточно для того, чтобы его охватил знакомый чувственный голод — ощущение, к которому он уже успел привыкнуть. И дело было не только в ее красоте. Ее уверенность, решимость и целеустремленность — все эти качества необыкновенно влекли его к ней. Этому почти невозможно было противиться.

— Рико? — спросил Джанни, когда на том конце провода ответили. Продолжая удерживать взгляд Мари, он сказал: — Мы бы хотели взглянуть на выставочный зал.

— У тебя есть идеи, как усилить систему безопасности? — спросил Рико.

Джанни коротко рассмеялся:

— Пока я не видел того, что уже сделано, как я могу сказать?

— Тереза описала Жан-Люка, — тем временем продолжал Рико. — По этому описанию уже

составлен портрет, который мы распространили среди наших людей и повесили в главном офисе.

— Описание Жан-Люка? — спросила Мари, вклиниваясь в телефонный разговор. — А вам не приходило в голову, что он может изменить внешность?

Джанни одобрительно кивнул.

— Кстати, Мари напомнила, что Жан-Люк может изменить свою внешность, — сказал он.

— Мы тоже об этом подумали, — уверил его Рико.

— Вот и хорошо. Надеюсь, ему не удастся от нас ускользнуть.

Джанни положил телефон в карман и сказал:

— Они подготовили для выставки главный ресторан отеля. Рико позвонит своему человеку и скажет, что мы придем.

Улыбка Мари стала шире.

— Отлично! Давай же, пошли!

Джанни взял ее за руку, и они двинулись к отелю. Какая еще женщина в мире променяет приятную прогулку на осмотр деятельности службы безопасности? И Джанни тут же ответил на свой вопрос: та, которая по какой-то причине стала для него дорога.

Как и следовало ожидать, для предстоящих целей ресторан был оформлен подходящим образом.

Джанни помнил это помещение как элегантно обставленный зал с мягким освещением и окнами, выходящими на океан. Сейчас же в ресторане было несколько длинных антикварных столов, покрытых красным бархатом, создававшим ощущение старинной роскоши. На столах стояли кабинки, а за столом — стулья, чтобы ювелиры могли общаться с покупателями, которые хотели бы поближе осмотреть камни. В общем, этот зал с блестящими полами, сверкающими латунными бра и видом на океан был выбран не случайно.

— Как ты думаешь, стеклянные стены и окна снабжены сигнализацией? — спросила Мари.

— Зная Рико, не сомневаюсь, что да. — Джанни беглым взглядом осмотрел комнату и заметил крошечные видеокмеры, они были расположены по всему помещению под разными углами.

— Я насчитала двенадцать камер, — сказала Мари, окидывая помещение внимательным взглядом.

Джанни одобрительно кивнул и указал в дальний конец зала.

— Уверен, что хватает и скрытых камер. Например, я вижу одну в вазе с гибискусами.

— Еще одна за рамой на южной стене, — добавила Мари.

Джанни усмехнулся и снова подумал, что никогда прежде не встречал подобной женщины.

— Все-то ты заметила. Может, скажешь, где еще стоит установить камеру?

— Для этого надо попасть в комнату службы безопасности и посмотреть на экраны. — Она снова осмотрела зал. — Камера должна давать хороший обзор, но при этом быть незаметной.

— Должен с тобой согласиться, хотя ни одна система безопасности не совершенна. Чем и пользуются воры.

— Особенно очень хорошие воры. Как ты. — Она взглянула на него. — Если бы ты решил заняться здесь промыслом, как бы ты это осуществил? — с любопытством спросила Мари.

— Ну... — Джанни вздохнул про себя.

Позволив своему воображению разыгаться, Джанни почувствовал знакомый прилив адреналина. Он окинул взглядом окна по обе стороны помещения, затем посмотрел на высокий потолок. Всегда можно было найти способ. Например, через вентиляционные люки, хотя в замкнутом пространстве он всегда чувствовал себя как в тюрьме. А вот если проникнуть сквозь застекленную крышу...

— Возможности есть, — пробормотал он.

— Тебе этого не хватает, — заметила Мари, и он взглянул на нее с удивлением. Впрочем, может, он напрасно удивляется: Мари О'Хара, похоже, чувствует то, что другим бы и в голову не пришло. Джанни перестал мысленно представлять себе, как бы он ограбил отель Рико, а вместо этого попытался понять, что он чувствует, оставив жизнь, которую он знал на протяжении многих лет.

— Да, наверное, — медленно произнес он. — Возбуждение от предвкушения обмануть систему безопасности. Вызов, таящийся в выработке плана атаки. Проскользнуть в дом или в магазин и выскользнуть оттуда незамеченным. Пройтись по крыше, когда ночь такая темная, что не видно собственной руки. — Он мечтательно улыбнулся. — Это мир, о котором большинство людей никогда не узнает.

— Ты говоришь так, словно то, что ты крал, не представляло для тебя ценности по сравнению с этими эмоциями, — сказала Мари, поправив рыжий локон. Когда он снова выбился у нее из-за уха, Джанни, улыбнувшись, убрал его на место, и его пальцы в беглой ласке коснулись ее кожи. От этого легчайшего прикосновения ее кожа запылала, как от огня.

— Я бы солгал, если бы сказал так, и думаю, ты это знаешь.

Мари медленно кивнула, словно предлагая ему продолжить.

Никогда прежде он не пытался объяснить свои поступки. Но ведь Мари — другое дело, она, как и он, многое знает о преступлениях. Неожиданно ему захотелось, чтобы она поняла его.

— Вор не проникает в защищенные места только потому, что это доставляет ему удовольствие. В конце работы должно быть вознаграждение. Это обязательно. — Джанни взял ее левую руку и потер подушечкой большого пальца по кольцу. Один из трофеев — доказательство успешной работы. — Я не совсем уверен, как я могу объяснить тебе, на что это похоже. Невозможно понять, пока сам не попробуешь.

— А ты попытайся, — прошептала Мари и обхватила его пальцы.

Глядя в ее красивые зеленые глаза, он мягко сказал:

— К примеру, это кольцо. У меня был только фонарик в виде ручки, которым я открыл сейф...

— Ты и сейфы взламывать умеешь? — со слабой улыбкой спросила она.

— Все Коретти обучаются этому с детства: взлом замков, сейфов, карманные кражи...

— Как? И это тоже?

— Да, у тебя должны быть ловкие и проворные пальцы, если ты хочешь быть вором, а не заключенным. — Джанни пожал плечами и вернулся к тому, с чего начал. — На первом этаже продолжалась вечеринка, второй этаж был пуст, как и кабинет, в котором стоял сейф. Темно, как в могиле, только изредка сквозь окна проникает свет от луны, которая то проглядывает, то снова прячется за облаками. Я торопился.

— Могу себе представить, — с кривой улыбкой сказала Мари.

Джанни усмехнулся:

— Слишком спешить нельзя — иначе можно оставить следы. Медлить тоже — иначе можно попасться. Это тонкая грань. В общем, я открыл сейф и вытащил черную бархатную коробочку. Я знал, что я найду внутри: мы с Пауло несколько месяцев все изучали. Мы знали, где хранятся драгоценности и в каком сейфе...

— Сейфов было больше, чем один?

— Да. Но, даже зная, зачем пришел, я должен был проверить содержимое сокровищницы. — Он пожал плечами. — Нам с Пауло изрядно пришлось попотеть над этой работенкой. Мне нужно было увидеть, что там, на другом конце радуги. Я вытащил содержимое и положил на ладонь. Бриллианты ожили в лунном свете.

Мари молча смотрела на него, пока Джанни предавался воспоминаниям, делясь с ней самым сокровенным.

— Это было кольцо с семидестью семью бриллиантами в платине и это кольцо. — Он снова дотронулся до него пальцем. — Они были спрятаны в темноте, словно приговоренные к забвению. Но бриллианты созданы для того, чтобы сиять. — Джанни улыбнулся. — В свете луны эти камни были словно ожившее чудо.

Мари взглянула на его палец, все еще ласкавший поверхность кольца, которое она носила.

— И ты сохранил это кольцо, чтобы оно напоминало тебе о том моменте.

— Да. — Джанни усмехнулся. — И чтобы подарить его своей возлюбленной, конечно.

Губы Мари изогнулись было в улыбке, но затем, словно спохватившись, она придала себе строгий вид. Но эта мимолетная улыбка не ускользнула от глаз Джанни. Кажется, подумалось ему, ее черно-белый взгляд на вещи начинает понемногу сереть. И почему-то его это обрадовало.

— А кольцо?

— Колье мы с Пауло продали. — Он отпустил ее руку.

— И ты совсем об этом не сожалеешь?

— Что я вор? — уточнил Джанни. — Нет. Я был весьма искусен в том, чем занимался. Я годами работал над своей сноровкой. Мое мастерство никого не задевало, разве что страховые компании. — Его губы изогнулись. — Я ни о чем не жалею. Прошлое все равно не изменишь.

— Но...

— Я Коретти, и я никогда не устыжусь ни своей семьи, ни своего наследия. То, как я живу сейчас, не имеет никакого отношения к прошлому, но в своем сердце я навсегда останусь вором, Мари.

Не отрывая взгляда от его глаз, Мари покачала головой:

— Я тебе не верю.

— Напрасно. Не поддавайся впечатлению, что я скрываю в себе больше, чем видно глазу, — мягко сказал он. — Я мужчина, которого ты презирала.

— Я тебя не презирала.

Джанни поднял бровь.

— Думаю, что презирала. И это нормально. Лучше тебе сконцентрироваться на этом чувстве. Оно поможет тебе не забывать, что наша помолвка — не больше чем ширма для отвода глаз.

Мари накрыла его руку своей ладонью.

— По-моему, проблемы с памятью вовсе не у меня, Джанни.

Это заявление его так поразило, что он выпустил ее руку и сделал шаг назад.

— Мистер Коретти?

Джанни был рад, что их прервали. Он взглянул на остановившегося перед ним высокого мужчину с бритой головой и пронзительными голубыми глазами. Кажется, это начальник службы безопасности.

— Да. Франклин Хикс?

— Он самый. — Мужчина кивнул и взглянул на Мари. — Я готов ответить на все ваши вопросы.

Джанни не понравился взгляд этого здоровяка. В его глазах читались восхищение и откровенное мужское одобрение. Джанни вдруг захотелось спрятать Мари от его глаз.

— Спасибо, — улыбнулась ему Мари. — Мы не откажемся от вашей помощи.

Они с Хиксом зашагали впереди, Джанни последовал за ними. Помимо воли, его взгляд скользил по ее телу с плавными и округлыми изгибами. Он стиснул зубы. Сколько бы он не упрасивал себя думать только о деле, у его тела, судя по всему, было собственное мнение на этот счет.

— Кровать достаточно широкая, чтобы мы поместились на ней оба, — заявил Джанни, разлегшись на матрасе и вытянув руки, словно предлагая ей объятия.

Мари глубоко вдохнула. Ей хотелось лечь к Джанни. «И вовсе не потому, что рядом лежит красавец мужчина, просто я не спала уже несколько дней», — убеждала она себя. Она чувствовала на себе взгляд Джанни и намеренно избегала его.

Мари еще раз осмотрела роскошно обставленную комнату. За открытыми французскими дверями, ведущими в патио, виднелся океан. Бамбуковый пол, натертый до блеска, сочетался по цвету с удобной плетеной мебелью, а на маленьком столике стояло ведро с бутылкой шампанского.

В центре комнаты громоздилась кровать. Она была гигантской. Там на белоснежных подушках лежал мужчина, который так манил ее, что она с трудом сдерживалась, чтобы не броситься на его широкую грудь.

— Мы не будем делить эту постель, — как можно тверже сказала Мари, стараясь убедить себя в своих же словах.

— Как скажешь, — голосом, в котором вновь отчетливо слышался итальянский акцент, сказал он. — Правда, я не думаю, что тебе будет удобно спать в том шезлонге. — Джанни кивнул в сторону террасы.

Мари от неожиданности моргнула.

— Если бы ты был джентльменом, ты бы уступил мне кровать.

— Но ведь я не джентльмен, ты забыла? Я вор. — Джанни заложил руки за голову и удобнее устроился на подушках.

— Значит, на шезлонге должна спать я? — все еще не веря, спросила Мари.

— Я ведь предложил тебе разделить со мной постель, — промурлыкал он.

Мари скрипнула зубами. Судя по всему, он получал удовольствие от их беседы. Конечно, Джанни отлично выспится на широкой, мягкой постели, в то время как ей придется постараться, чтобы не скатиться с шезлонга, который к тому же вдруг показался ей слишком узким.

— Мы все-таки обручены, — продолжал соблазнять ее Джанни, и его голос звучал мягче бархата.

Мари бросило в жар, и она ощутила пульсирующую боль между своих бедер. Она сделала глубокий вдох, стараясь не терять головы.

— Ты только недавно просил меня не забывать, что наше обручение — шарада, — напомнила она, цепляясь за остатки здравого смысла.

Глаза Джанни прищурились, сексуальная улыбка сбежала с его губ, черты лица словно стали тверже. Он склонил голову.

— Ты права. Предупреждал. Как знаешь, Мари. Сохраняй дистанцию. Потому что, — он взглянул ей в глаза, — если ты разделишь эту постель со мной, тебе будет не до сна, это я обещаю.

Два дня спустя Мари нежилась на солнце у бассейна на крыше отеля. Вид океана

успокаивающе действовал на ее расшатанные нервы, а пребывание в этом уединенном уголке было подобно бальзаму. Здесь она могла расслабиться и побыть сама собой, забывая о том, что ей надо изображать невесту Джанни.

С тех пор, как все это началось, она не спала ночами. По прибытии на Тезоро ситуация только ухудшилась. Необходимость делить с ним роскошный номер ставила под угрозу то, что еще осталось от ее самоконтроля.

Обещание Джанни продолжало эхом отдаваться у нее в ушах. «Тебе будет не до сна...» В результате в ее мозгу один за другим возникали сладостные сценарии, отчего она не спала всю ночь, чувствуя боль от неутоленного желания, в то время как Джанни крепко спал! Она слышала его глубокое, ровное дыхание, и ей хотелось визжать от досады. Вместо этого она лежала на узком, неудобном шезлонге и перечисляла пункты, почему переспать с Джанни было неудачной мыслью.

Но, к несчастью, все доводы ее рассудка сметала возрастающая волна желания. Соблазн уступить был велик, и она разрывалась надвое, чтобы устоять и не присоединиться к нему на постели.

Тряхнув волосами, Мари снова велела себе быть сильной. Она справится. Тем более сегодня должно состояться открытие выставки. Через три дня состоятся крестины, а как только выставка закончится, они с Джанни отправятся в Монако, чтобы найти Жан-Люка и ожерелье. После этого все будет кончено. Она вернется к своей скучной, упорядоченной жизни и забудет об этой яркой вспышке на ее любовном радаре.

— Что происходит между тобой и Джанни?

Мари вздрогнула и посмотрела на Терезу, лежавшую на соседнем шезлонге.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросила она.

Тереза рассмеялась и взглянула на нее поверх солнечных очков.

— Да ладно тебе, Мари. Я знаю, что между вами что-то происходит. Джанни весь как на иголках, я никогда не видела его таким. Для мужчины, который взаимно влюблен, он производит впечатление человека, страдающего от несчастной любви.

— Ты так думаешь?

Тереза мягко улыбнулась:

— Ты тоже выглядишь не лучше. Поэтому я и спрашиваю, что между вами происходит?

«Хороший вопрос», — подумала Мари. Ей стало легче оттого, что Джанни, оказывается, не так спокоен и безразличен, каким хочет казаться. И вдруг то, что Тереза заинтересовалась этим, заставило Мари подумать о том, чтобы разделить с ней свою ношу. Желание сказать правду вдруг захлестнуло ее с неожиданной силой.

Подумав еще десять секунд, Мари приняла решение и начала говорить, не обращая внимания на выражение лица своей собеседницы. Мари продолжала, и возможность сказать правду стала для нее глотком свежего воздуха.

Закончив, она выжидающе взглянула на Терезу. Та недолго думала.

— У тебя есть улика против моего отца? — спросила она.

Мари вспыхнула и кивнула. Привстав с шезлонга, она села к Терезе лицом к лицу.

— Да. Но я не хочу ее использовать.

Высказав это вслух, Мари поняла, что это правда. Ей не хотелось причинять боль семье Коретти. Не хотелось, чтобы их отец провел остаток жизни в тюремной камере. Она ведь больше не коп, она ничего не должна обществу. Но ради того, чтобы оправдать себя, ей было нужно вернуть ожерелье Абигейл Уэйнрайт.

— И ты шантажировала этим Джанни?

— У меня не было другого шанса, Тереза. Он бы никогда не согласился помочь мне поймать Жан-Люка, если бы у меня ничего не было против него.

— Я это понимаю, — кивнула Тереза, — но папа...

Мари попыталась объяснить:

— Знаю, как это звучит, но кража в Нью-Йорке свершилась по моей вине. Я позволила Жан-Люку очаровать себя и дала маху, а он воспользовался шансом и украл у милой пожилой женщины ее вещь. Она не заслуживает того, чтобы в ее дом вторгались.

Тереза нахмурилась:

— Понимаю. Как и то, почему Жан-Люку удалось очаровать тебя. — Она также повернулась лицом к Мари. — Не могу сказать, что мне нравится слышать, что у тебя есть что-то, что угрожает моему отцу, но я, кажется, понимаю, что тобой движет. Понятие чести.

— Спасибо, — сказала Мари, испытывая огромное облегчение. Семья Джанни ей очень нравилась. Она даже немного завидовала Терезе, нет, не сколько ее богатству, сколько тому, что у нее есть обожающий ее муж и замечательный малыш. Тому, что ее место в этой жизни прочно, а рядом находятся люди, которые ее любят.

Мари давно была лишена этого чувства семейной любви и тепла. При виде их счастья она тоже хотела быть счастливой.

— Мне кажется, — продолжила Тереза, — что ты не хочешь сажать нашего папу за решетку, просто тебе пришлось прибегнуть к шантажу, чтобы достигнуть своих целей.

— Именно, — кивнула Мари. — Более того, чем больше я узнаю вашу семью, тем меньше мне хочется причинять вам вред. Но остановиться сейчас я не могу. Я должна закончить это дело, а если я передам фотографии Джанни, вряд ли у него будет стимул мне помогать.

— Думаю, ты была бы удивлена, — задумчиво сказала Тереза. — А что произойдет, когда вы найдете Жан-Люка? — вдруг спросила она. — Когда ты получишь ожерелье назад? Что это будет означать для вас с Джанни?

— Мы вернемся каждый к своей жизни, — мягко сказала Мари.

— Так просто? — Тереза покачала головой и взяла руку Мари в свою. — Я так не думаю. Как бы между вами все ни началось, тебя с ним что-то связывает, даже если вы оба отказываетесь это замечать.

— Тебе показалось, — улыбнулась Мари, хотя в ответ на эти слова в ней вспыхнуло желание, которое она подавляла в себе несколько дней.

— Разве? Позволь тебе рассказать одну историю, — сказала Тереза, продолжая держать руку Мари в своей руке. — Она обо мне и Рико, а также о сделанных ошибках.

Тереза принялась рассказывать. По мере того, как продолжался рассказ, Мари все больше изумлялась тому, как Рико и Тереза сумели выпутаться из лжи и основать крепкую, прочную семью.

— Я знаю, что значит оберегать честь. Чтобы защитить отца и братьев, я отказалась от Рико и пять долгих лет умирала без него. А когда мы снова сошлись, в этот раз уже наша семейная честь едва не вмешалась в наши отношения. — Тереза сжала руку Мари.

— Да, но разница между нами и тобой в том, что вы с Рико любили друг друга, несмотря ни на что, — возразила Мари.

— Ты тоже любишь моего брата.

— Что?! — Убрав свою руку, Мари покачала головой. Их с Джанни не связывают даже отношения! И она только что поставила на их шараде точку. Испытывать что-либо к нему — огромная ошибка.

— Ты ошибаешься, — запротестовала Мари. — Я почти не знаю Джанни. И уж точно его не люблю.

— Думаешь то, что ты его любишь, не бросается в глаза? — сочувственно улыбнулась Тереза. — Ты не спускаешь с него глаз, стоит ему войти в комнату. Ты трепещешь, когда он касается тебя, и так легко выходишь из себя, что этому должно быть только одно объяснение — любовь. Люди, которые могут доводить нас до белого каления без особых усилий, — это те люди, которые нам безразличны.

— Но он мне и безразличен. — Мари ухватилась за это слово как утопающий за соломинку. Конечно же Джанни был ей безразличен. Да, он немало ее раздражал, но помимо этого он был милый, добрый и смешной. И она желает его. Женщина, которая его не захочет, должна быть мертвой. Любовь — это все-таки другое. Любовь не приходит вспышкой огня. Она разгорается медленно, постепенно, когда люди лучше узнают друг друга и понимают, что для них должно найтись место в жизни друг друга. Кроме физической привлекательности должны быть общие интересы, дружба. Должно быть... много больше.

— Нет, речь идет не о любви, Тереза, — продолжала протестовать Мари. — Возможно, похоть, но не любовь.

Тереза улыбнулась покровительственной улыбкой.

— Я знаю своего брата, — сказала она. — У него есть потребность оберегать нашу семью. Даже принимая во внимание твою угрозу, он бы ни за что не привез тебя сюда, на этот остров, если бы не чувствовал...

— Вот вы где! — раздался голос Джанни, и Мари выругалась про себя. Что хотела сказать Тереза? Если не чувствовал чего?

Рико шел рядом с Джанни, и через несколько шагов они уже стояли перед ними. Джанни взглянул на Мари, и она почувствовала, как его жаркий взгляд прошелся по ней от головы до пят. На ней было новое бикини, купленное в Лондоне, и она знала, что зеленые, как лайм, полоски материи смотрятся на ней замечательно. Судя по выражению лица Джанни, она смотрелась в нем просто волшебю.

Несколько долгих секунд он смотрел на нее, пока Тереза не изобразила легкое покашливание. Этот звук словно вывел его из состояния транса. Встретившись взглядом с Мари, он сказал:

— Мы нашли Жан-Люка. Он здесь, на острове.

Глава 9

Полчаса спустя они были в их номере. Джанни пристально смотрел на Мари и ждал, когда она отступится от своих слов. Однако она продолжала настаивать, и Джанни понял, что этого и следовало ожидать. Эта женщина оказалась на редкость несговорчивой с того момента, когда он поймал ее за обыском своей спальни. Только почему ему это так нравится?

— Я должна быть там. Я могу помочь тебе в розыске Жан-Люка.

Джанни с силой провел рукой по волосам. Он был напряжен и, глядя на Мари, чувствовал, как быстро струится кровь в его жилах и как учащенно бьется сердце. В этот момент Жан-Люк Баптиста его совсем не интересовал, он бы с радостью послал его ко всем чертям, но нельзя было этого делать: приходилось помнить, что раз Жан-Люк был на острове, надо держать ухо востро.

Джанни потер лицо руками.

— Жан-Люк поселился в отеле, который принадлежит деду жены кузена Рика Шона.

Мари озадаченно покачала головой.

— Да, знаю, звучит запутанно, — согласился Джанни. — В общем, он остановился там, но служба безопасности заметила его возле отеля Рико. Мы постараемся взять его сегодня ночью.

— Если он еще ничего не украл, как вы собираетесь его схватить?

— Как делают в казино, когда там объявляется известный вор, — пожал он плечами. — Он еще не успел ничего украсть, но его репутация позволяет выпроводить его вон.

— Тогда надо, чтобы его выпроводили и с острова тоже.

— Само собой, — кивнул Джанни. — Это частный остров, его могут выбросить с него в любой момент.

— Но сначала вам надо его поймать, и я могу в этом помочь. — Мари уперла руки в бока. — Я еще одна пара глаз.

«И не только глаз», — подумал Джанни, стараясь концентрироваться на разговоре, а не на потребностях своего жадного тела. Он угодил в собственную ловушку. Вся затея с обручением обратилась против него. Вынужденный находиться с Мари в одном номере, зная, что она спит совсем рядом, он чувствовал, что с каждым днем все больше сходит с ума.

Она вздыхала — и его охватывал голод. Она смеялась — и он горел в огне желания. Она

поцеловала его и прикоснулась к самым темным и пустым закоулкам его души. Эти закоулки были с ним так давно, что он привык их не замечать. Однако Мари снова заставила его их увидеть. Заставила его осознать, что его жизнь не так полна, как он думал. Раньше он был одинок, но сейчас в его жизни была она. И Джанни не знал, что, черт побери, ему сейчас делать. Пытаясь отмахнуться от вороха мыслей, он резко спросил:

— А если он тебя увидит? Тогда что? Даже Жан-Люк поймет, что твое появление на острове накануне выставки драгоценностей — не случайность.

Мари негромко выругалась в сторону и спросила:

— А почему я не должна здесь быть?

— Неужели ты так хорошо зарабатывала, что можешь позволить себе отдых на Тезоро?

Губы ее изогнулись.

— Нет, но почему бы ему не решить, что у меня есть семейные средства? И какая разница, если он меня увидит?

— Воры — суеверные люди, — заметил Джанни, пытаясь заставить ее держаться подальше от Жан-Люка: не хватало только, чтобы он запаниковал при виде ее. — И чем хуже вор, тем он суевернее. Если Жан-Люк увидит тебя здесь, он может дать деру. Более того, он может даже исчезнуть из Монако, решив, что там небезопасно. И как тогда мы вернем твое ожерелье?

Джанни лукавил. Скорее всего, Жан-Люк напрямик отправился бы к себе в Монако и до поры до времени залег на дно. Но Мари об этом знать не обязательно.

Позади нее в раскрытые французские окна ворвался свежий ветер. Мари была освещена солнцем, а ее тело словно было охвачено золотистым ореолом. Ее кожа была мягкой и шелковистой, волосы горели ярким пламенем. Она была дьявольски соблазнительна, и сердитый блеск глаз и вызывающе вздернутый подбородок только делали ее прелестней.

Она скрипнула зубами. Подбородок у нее напрягся, она сложила руки, и от этого движения ее груди приподнялись, грозя вывалиться из маленьких треугольных кусочков материи ее бикини. Его рот наполнился слюной, руки зачесались от желания дотронуться до нее, поэтому ему пришлось сжать их в кулаки, чтобы не уступить соблазну.

— Хорошо. В этот раз ты меня убедил. Я не пойду с тобой на выставку.

— Вот и отлично. — Кажется, этот раунд остался за ним.

— Но поговори с Рико по поводу тех мест в ресторане, которые не видно в мониторы. Кое-где обзор у камер не совсем хороший.

— Мы это уже обсуждали с Франклином Хиксом, помнишь?

— Ну хорошо. — Она сделала вдох и раздраженно выдохнула. — И что мне теперь делать? Изображать дамочку в беде и держаться подальше от всего, пока мужчины обо всем позаботятся?

— По возможности, — кивнул Джанни. — И я заранее благодарен тебе за это.

Мари несколько секунд возмущенно смотрела на него, а затем беспомощно рассмеялась:

— Ты просто несносен.

— Мне такое говорят, причем постоянно.

Мари трянула волосами и, кинув на него сердитый взгляд, направилась в смежную ванную. Когда она вышла, на ней был толстый белый махровый халат, предоставленный службой сервиса отеля. Она туго затянула пояс на талии, и Джанни одновременно был рад и опечален. Он чувствовал острое желание снять с нее эти махровые доспехи, но понимал, что сейчас он не может этого сделать.

Эта женщина превращает его мозги в желе.

— Должна сказать, мне это все не нравится, — заявила она.

— Я понимаю, — кивнул Джанни. — Но взгляни на ситуацию с другой стороны. Если мы поймем Жан-Люка, мы сможем заставить его вернуть ожерелье.

— Как?

— О, я могу быть дьявольски убедителен, — заверил он ее. — Если Жан-Люка поймают накануне выставки, то достаточно будет пригрозить ему Интерполом. Я уверен, он сразу станет гнуться в наших руках.

— Возможно.

— *Si*, — пробормотал Джанни и добавил: — Жан-Люк не был так осторожен, как члены нашей семьи. Зная, что на него заведено несколько дел, он не захочет общаться с полицией. — Сейчас, когда Мари была укутана в халат, его мозг снова мог функционировать. Разрешив проблему с Жан-Люком, он захотел узнать у нее кое-что еще. — Когда мы с Рико присоединились к вам в патио, у меня создалось впечатление, что мы помешали какому-то важному разговору.

— Нет, — сказала Мари и, повернувшись, вышла на террасу.

Джанни ей не поверил. Он последовал за ней. Ветер растрепал ее волосы, отчего они превратились в огненный ореол.

— Ты была права, знаешь ли, — сказал он.

Она взглянула на него:

— В чем?

— Когда мы с тобой только познакомились, ты сказала, что не умеешь лгать. Так и есть. — Он встал рядом. — О чем вы беседовали с Терезой?

— Я рассказала ей правду. — Она склонила голову набок и взглянула на него. — Сказала, что мы не обручены.

Она снова его удивила. Он не думал, что она сможет признаться во всем, из-за страха выставить себя в неприглядном свете. Но наверное, стоило ожидать, что ее честная натура не выдержит гнета лжи.

— Ты сказала ей, что шантажировала меня?

— Да. — Мари вздохнула. — Твоя сестра была так мила, что я чувствовала себя ужасно оттого, что вынуждена ей лгать.

Джанни покачал головой:

— Я понимаю. Но Тереза расскажет все Пауло и отцу.

— Ну и что? — Она пожала плечами, словно сбрасывая тяжелую ношу. — Сейчас это не имеет значения. Я все равно буду твоим прикрытием для Интерпола.

— Как только мы поймаем Жан-Люка, все изменится.

— Если вы его поймаете.

— Оставь Жан-Люка мне. Я знаю, как он думает. — Он помолчал. — Тебе не стоило говорить Терезе. Я не хотел, чтобы в семье знали, что отцу угрожает опасность.

— У твоей сестры есть хватка. — Мари оперлась на перила. — Она поняла, что что-то не так, и захотела все выяснить.

Джанни перевел взгляд на океан, на волнах которого качались парусные суда.

— Правду переоценивают, — пробормотал Джанни, скорее для себя, чем для нее.

Мари рассмеялась:

— Так думает вор.

Он взглянул на нее, подождал, когда она встретится с ним взглядом, и негромко произнес:

— Бывший вор.

— Хорошо. — Уголки ее губ приподнялись. — Я об этом постоянно забываю. — Повернувшись к нему, она оперлась бедром о перила. — И вот еще одна правда. Так как твоя семья теперь все о нас знает, нам не обязательно жить в одном номере.

— Да, я тебе не сказал? — Он потянулся и пальцем отодвинул халат на ее груди. Мари замерла. Он провел пальцами по ее обнажившейся коже, и она задрожала. — Отель забит под завязку. Свободных номеров нет.

У Мари перехватило дыхание.

— Так что пока мы прикованы друг к другу.

— Но это пока.

— И пока это все, что имеет значение. — Джанни подвинулся к ней и, уступая соблазну, наклонил голову и поцеловал ее.

Поцелуй задумывался им как легкое прикосновение губ, но, как только их губы встретились, он превратился в нечто другое. Совсем другое. Его словно пронзила молния, жар охватил его тело, и, обняв Мари, он прижал ее к себе так близко, что услышал, как их сердца забились в унисон.

Она вжалась в его тело, обхватив руками за шею. Мари прижималась все ближе к нему, целуя его в ответ, касаясь его языка своим языком. Он вкусил ее сладость и почувствовал, как растет его и ее желание, отчего огонь страсти вспыхнул вокруг него ярким пламенем, грозя испепелить.

Так они стояли на террасе. Их тела переплелись, и Джанни брал все, что Мари предлагала ему, и молча просил большего. У него было чувство, что как бы близко он ни прижимал ее к себе, этого всегда будет недостаточно. Не важно, каким глубоким был поцелуй, ему казалось, что он может быть еще глубже. Его тело болело, желая близости с ее телом. Мысли вихрем проносились в его мозгу, в котором вспыхивали яркие вспышки и цвета. Если он не оторвется от ее губ сейчас, мелькнула у него безумная мысль, то он никогда не сможет от нее оторваться.

С этой мыслью Джанни прервал поцелуй, который грозил его убить, и прижался лбом к ее лбу, тяжело дыша. Некоторое время было слышно только их частое дыхание.

— Ну что ж, — спустя долгую паузу прошептала Мари, — на данный момент мы сказали более чем достаточно.

— Папа не сядет в тюрьму. — Джанни крепче сжал телефон в руке и нахмурился, вглядываясь в ночь, пока его брат кричал ему в ухо.

Последние три часа он провел среди присутствующих на открытии выставки драгоценностей. Джанни и сотрудники службы безопасности Рико стали частью толпы, но действовали разрозненно. Он бросал взгляды по сторонам, слушал разговоры, стараясь предусмотреть возможные проблемы и одновременно выискивая в толпе Жан-Люка Баптисту. Его он так и не нашел. Если этот негодяй и присутствовал сегодня в толпе, то за прошедший год он научился мастерски скрываться среди людей.

Джанни овладело напряжение, которое всегда сопровождало его во время работы. Но сейчас это напряжение словно усилилось. И если он еще был недостаточно напряжен, то разговор с братом, несомненно, взвинтит его до предела.

— Тереза мне все рассказала, — повторил Пауло, и Джанни закрыл глаза. Он знал, что это произойдет. Как только Мари во всем призналась Терезе, он жил ожидая этого звонка. Удивительно, что Пауло позвонил только сейчас.

Джанни зашагал по террасе, оставив позади себя выставочный зал. Откровенно говоря, ему хотелось оставить эту толпу элегантно одетых людей, пусть даже ради неприятного разговора с младшим братом.

— Она тебя шантажирует! — повысил голос Пауло, и Джанни отодвинул телефон от уха. — У нее на руках улики против нашего отца, а ты с ней спишь!

— Я не... — Джанни умолк и перевел дух. Будь он проклят, если придется признаться, что он даже еще не уложил Мари в постель. — И вообще, Пауло, тебя не касается, с кем я сплю.

— Касается, раз ты думаешь одним местом.

Джанни вспыхнул от ярости. Отвернувшись от сверкающего выставочного зала, он перевел взгляд на черный океан, освещенный лунным светом. Он смотрел на лунную дорожку, пытаясь совладать со своим гневом. К счастью, на каменной террасе он был один.

— Думаешь, я стану рисковать свободой нашего отца? — негромким голосом спросил он. — И потом, я уже сколько раз просил вас с отцом оставить воровство, чтобы навсегда перестать опасаться тюрьмы?

— Меняешь тему, Джанни?

— Нет, напоминаю, кто из нас старший брат, — сквозь стиснутые зубы сказал Джанни. — Так что не читай мне лекций, Пауло, как я должен поступать и что я должен делать ради нашей семьи.

На другом конце телефона повисло долгое молчание, и Джанни словно видел, как понемногу утихает Пауло. Да, у его брата был взрывной характер, и он вспыхивал как порох от зажженной спички, но, к счастью, и пылал он недолго.

— Ладно. Мы с папой приедем послезавтра. Я хочу, чтобы ты познакомил меня с этой женщиной.

Взгляд Джанни блуждал по берегу, пока в свете луны он не заметил фигуру одинокой женщины. Он пригляделся, и ему понадобилось всего пара секунд, чтобы распознать Мари.

Она должна была остаться в номере.

— Я познакомлю тебя с ней. И ты будешь с ней мил, иначе ты меня расстроишь.

— Я всегда мил, — вознегодовал Пауло.

Джанни фыркнул:

— Ну да, как сейчас? Твои вопли ты тоже можешь назвать милыми?

— Мы итальянцы, — напомнил ему Пауло. — Кричать для нас естественно.

Джанни заметил, как на песке показалась еще одна одинокая фигура. Мужчина. И он направлялся к Мари. Она смотрела на океан, и, кажется, его не замечала. Умом Джанни понимал, что на Тезоро безопасно, но вдруг отчего-то встревожился. Он неожиданно почувствовал тревогу. Нахмурившись, Джанни продолжал следить, как мужчина приближается к Мари. Что-то в его силуэте заставило Джанни напрячься, и он сказал:

— *Ciao*, Пауло, — и, нажав на отбой, положил телефон в карман брюк.

Возможно, это был пустяк, но по какой-то непонятной причине он перемахнул через перила и побежал.

Мари не нравилось, что ее оставили за бортом. У нее был опыт, наметанный глаз и сноровка, она могла бы помочь. Вместо этого ей велели оставаться в номере, как какому-то ребенку, пока взрослые должны были разобраться с ситуацией. В ней еще были живы привычки копа, поэтому она не могла подвергнуть операцию риску, просто придя на выставку, поэтому она не сделала этого. Хотя вынужденное бездействие ее убивало.

Она была готова на стену лезть оттого, что ее предпочли оставить в неведении. Остаться в номере Мари не хотела, поэтому в конце концов она решила сходить на берег. Главное, оставаться подальше от выставочного зала. К тому же Жан-Люк ведь не появится здесь, чтобы украсть песок, верно?

Но честность заставляла ее признать: вовсе не Жан-Люк занимал ее мысли. Это был Джанни. Она остановилась у кромки воды, позволяя накатывавшим на песок волнам ласкать ее ноги, прежде чем они снова отступали обратно в океан.

Тот поцелуй... Как ей его расценивать?

Джанни коснулся ее — и она вспыхнула, поцеловал ее — и она сгорела в пламени. Она подумала о словах Терезы. Может, сестра Джанни права? Может, она действительно небезразлична Джанни? И она была готова признать, что и он ей небезразличен. Но ведь все это происходит не взаправду, так ведь? Это просто невозможно. Это было так далеко от истины, что Мари не знала, что ей думать. Обратиться в реальность или грезить мечтами?

Даже недели не прошло, как они вместе, но у нее такое чувство, что она знает его целую вечность. Как такое было возможно? Как она может испытывать чувства к мужчине, которого еще две недели назад не было в ее жизни? И как можно считать, что это не имеет значения? Нет, это была не реальная жизнь. Это не было ее миром.

Она находилась в центре мира для богатых и знаменитых, мечтая о воре, который вдруг стал хорошим парнем. Как это могло быть реальностью?

— Я знал, что это ты.

Дыхание у Мари перехватило, она резко обернулась при звуках этого знакомого голоса. Свет луны освещал мужское лицо, и она на миг поразились: как она могла думать, что он красив? У него были тонкие, длинные, светлые волосы, в голубых глазах не было блеска, а подбородок слабый и безвольный. Он даже был не так высок, как она помнила.

— Привет, Жан-Люк.

Подойдя к ней ближе вразвалочку, он оглядел ее с ног до головы.

— Что привело тебя в такую даль, Мари? И почему ты здесь с Джанни Коретти?

Мари сделала вдох и приготовилась лгать. Жан-Люк, словно угадав ее намерение, покачал головой:

— Не трудись, Мари. Я видел вас двоих вчера.

Что ж, поняла Мари, она напрасно не осталась сегодня в номере.

— Так как, Мари? — повысил голос Жан-Люк, глаза его сощурились, когда он подошел ближе к ней. Его французский акцент словно усилился, когда он продолжил: — Так почему ты здесь? С ним?

Мари пошевелила ногами в песке, изменяя позу, и приготовилась — на всякий случай. Все-таки она была одна на пляже, поэтому стоит быть готовой ко всему, хотя она и не думала, что Жан-Люк может причинить ей вред. Он казался ей жалким лгуном и вором.

— Может, он нужен тебе для того, чтобы найти меня? — Он медленно улыбнулся. — Я польщен. Может, это потому, что у нас не было секса? Ты сожалеешь об этом? — Он приблизился к ней. — Мне тоже жаль. Но сегодня мы можем это изменить.

Прежде чем она успела что-либо сказать, он схватил ее за руку и дернул на себя. Мари сжала

правую руку в кулак и приготовилась нанести удар, но вдруг поняла, что свободна.

Она пошатнулась, испытывая удивление и не совсем понимая, что происходит, а затем услышала звуки борьбы. Взмахи кулаков. Кто-то осел на песок. Стон боли, а затем она вдруг увидела перед собой Джанни. Он схватил ее и притянул к себе.

— С тобой все в порядке? — требовательно спросил он.

— Все хорошо. — Она обвила руки вокруг его шеи и прижалась к нему. Она бы сама справилась с Жан-Люком, но то, что Джанни пришел ей на выручку, как настоящий рыцарь, было очень и очень... мило. Чувствуя себя в его крепких объятиях, она еще больше ощущала романтичность этого момента.

Она уткнулась лицом ему в плечо и глубоко вдохнула. Как он оказался на пляже, она не знала. Но она была рада его появлению, и когда его губы с жадностью прижались к ее губам, она ответила на его поцелуй, уже зная: то, что только что произошло, все изменит между ними.

Джанни прижимал Мари так близко к себе, что ближе, казалось, было уже некуда, но ему все равно казалось, что она так далека от него. Когда побежал к ней, он даже не думал, что она может оказаться в опасности. Он приготовился отчитать ее за то, что она вышла из номера, вместо того чтобы находиться в безопасности. Он узнал мужчину, и, когда увидел, что Жан-Люк схватил ее и попытался прижать к себе с намерением поцеловать, кровь бросилась ему в голову.

Никогда еще в своей жизни он не был в такой ярости. Он даже не думал, что вообще способен на такое смертоносное чувство, но мысль о том, что Мари касается кто-то другой, привела его в бешенство.

Пропустив пальцы через ее волосы, он оттянул ее голову назад, с сильно бьющимся сердцем заглянул в глаза и прижался к ее губам. В этом поцелуе не было неторопливого обольщения. Был только огонь, который сжигал их обоих. Он разгорался все ярче, поглощая их, и они стремительно оказались в его огненном шторме.

Мари обхватила ногами его бедра. Джанни прижал ее к себе, так что ее тело слилось с его телом. Он чувствовал ее жажду, ее страсть, которая была сродни его собственной. Она была нужна ему, надо было как можно скорее вернуться с ней в отель, но сначала...

Джанни оторвался от ее губ и жадно вдохнул воздух, словно человек, выплывший на поверхность. Глядя Мари в глаза, он сказал:

— Давай сначала позаботимся о Жан-Люке, а потом...

Ее взгляд переместился за его спину.

— Его нет.

— Что? — Продолжая удерживать Мари, Джанни повернулся и посмотрел туда, где на песке лежал Жан-Люк. Там было пусто. За то время, что он забылся, Жан-Люк исчез.

— Проклятье! Как мы теперь до него доберемся?

Мари коснулась его щеки и повернула его лицо к себе.

— Какая разница?

Джанни удивился. Жан-Люк был центром ее внимания с самого начала. Сейчас же, видя пламя в ее глазах, чувствуя дрожь ее тела, он знал, что Мари чувствует то же, что и он. Сейчас имело значение только то, что происходило между ними.

— Ты права. — Он быстро крепко поцеловал ее в губы. — Пойдем.

Опустив ее на ноги, он взял ее руку и повел во тьме к отелю. Когда они приблизились к нему, до них донеслись звуки музыки и смех, но никто не обратил на это внимания. Они могли думать только о недавнем их обоих голоде.

Через несколько минут Джанни довел Мари до номера. Стоило ему закрыть дверь и повернуться к ней, как она бросилась к нему в объятия, такая же жадно-нетерпеливая, как и он. Джанни прижал ее к себе и, когда она обхватила его ногами за талию, запустил руку под ее темно-зеленый топ. Он не мог поверить в то, что это происходит наяву.

Когда его руки обхватили ее грудь в бюстгальтере и сжали ее, Мари вздохнула и изогнула спину. Почувствовав, как ее твердые соски уперлись ему в ладони, Джанни едва не простонал от охватившего его удовлетворения. Чувство было таким, словно прошли годы, прежде чем он смог прикоснуться к ее коже.

— Теперь ты моя, — прошептал он, опуская голову и касаясь ртом ее изящной шеи.

— Да, — прошептала она. — О да.

Опустив Мари на ноги, Джанни снял через голову ее шелковый топ, расстегнул застежку бюстгальтера, опустил бретельки и позволил прозрачной ткани упасть на пол. Мари потянулась, чтобы расстегнуть его рубашку, и Джанни помогал ей с пуговицами, сгорая от нетерпения почувствовать прикосновение ее кожи к своей. Когда их одежда оказалась на полу, он легонько толкнул ее на постель. Мари упала, и из его горла вырвался короткий смех.

Усмехнувшись, он лег рядом и стал касаться ее руками, исследуя каждый соблазнительный изгиб. Мари приблизилась к нему, притянула его к себе и поцеловала, принимая его в свое тепло. Их языки сплелись в эротичный танец нестерпимого желания.

Ее ногти оставляли огненные следы на его спине. Джанни протянул руку к треугольнику между ее бедер, и Мари раздвинула ноги, приглашая ее касаться себя, исследовать, ласкать. Джанни простонал. Ее тепло перекинулось на его тело и вернулось к ней. Нить желания, связавшая их, крепла, росла, они не могли оторваться друг от друга, даже если бы очень сильно захотели этого.

Оторвавшись от губ Мари, Джанни наклонил голову и нежно поцеловал ее грудь. Он лизал, сосал, покусывал зубами каждый сосок, пока она не стала извиваться под ним. Он положил ладонь на самое чувствительное ее место, чувствуя его жар. Мари всхлипнула, и Джанни простонал, чувствуя желание своего тела очутиться внутри ее, ощутить, как влажное тепло засосет его глубже в себя.

Он засунул в ее глубины сначала один палец, затем второй, и ее бедра пришли в движение, Мари подалась ему навстречу. Джанни поднял голову, взглянул на нее и увидел горящие неистовством глаза. Мари покачала бедрами, желая большего, не боясь переступить через грань, которая была уже так близко. Джанни хотел этого. Хотел увидеть, как она перестанет принадлежать себе. Хотел увидеть страстный блеск ее глаз и прочитать в них благодарность за

наслаждение, которое мог подарить ей только он.

Он с удвоенной силой начал ласкать ее пальцами, создавая трение, которое должно было свести их обоих с ума от страсти. Мари двигалась вместе с ним, хватая ртом воздух и шепча:

— Да, Джанни... Да. Пожалуйста...

— Прими это от меня, *sara*, — низким, хриплым голосом сказал он. — Да, я хочу увидеть, как ты окажешься на небесах.

Мари открыла глаза, взглянула на него и кивнула. Сдерживая дыхание, она двигалась навстречу его руке снова и снова. Ее голые ноги скользили по шелковому покрывалу, но ни она, ни он этого не замечали. Они были поглощены друг другом и тем моментом, к которому стремительно приближалась Мари.

— Пожалуйста, Джанни... Я хочу... Мне нужно...

— Я знаю, *sara*. Я вижу, что тебе нужно. — Его палец ласкал тугий бутончик плоти в самом ее сердце, и вдруг Мари вскрикнула, выдохнув его имя. Ее бедра бешено двигались, дыхание стало затрудненным, когда она, распростертая, лежала, сотрясаемая волнами наслаждения.

Джанни смотрел на нее, испытывая необыкновенное удовлетворение. С каждым ее прерывистым вдохом его собственное желание крепло, нарастало. Он почувствовал, как напряглось и задвигалось ее тело, и, прежде чем угасла последняя дрожь, он потянулся к шкафчику прикроватной тумбочки.

Мари ослепла.

Нет, потрясенно выдохнув, подумала она. Нет, просто глаза у нее закрыты. По ее телу с головы до пят пробежала дрожь, кожа искрила как от электрического разряда. Она горела, словно у нее была лихорадка, хотя шелковое покрывало на постели оставалось прохладным. Открыв глаза, она увидела, что Джанни потянулся к прикроватной тумбочке. Вытащив презерватив, он за несколько секунд надел его на себя, после чего вновь вошел в нее.

— Джанни! — выдохнула Мари.

Он был такой большой, такой твердый. Он заполнил ее всю. А она все еще была так чувствительна после того неземного наслаждения, которое он подарил ей, что достаточно было того, что ее мышцы растянулись, принимая его, как она вновь ощутила экстаз.

Схватившись за его плечи, она подняла ноги и обвила их вокруг его талии, прижимая его к себе в надежде, что сотрясавшая ее дрожь утихнет, а дыхание станет менее затрудненным. Но Джанни не был неподвижен. Он входил в нее глубже, и ее тело ожило, засияло.

Его толчки становились все сильнее, все учащенные, и Мари подхватила этот ритм. Он выходил и входил снова и снова, и ее тело вновь задрожало от вспыхнувшего желания. Казалось невероятным, что она способна испытывать больше, чем она уже испытала, но, заглянув в темные глаза Джанни, она поняла, что все только началось.

Он зажигал ее с ног до головы, и она горела, как рождественская елка. Его прикосновения были подобны электрическим разрядам. Джанни властно удерживал ее взгляд, требуя, чтобы она смотрела ему в глаза, пока они вместе создавали что-то неконтролируемое и

восхитительное. Мари тонула в его глазах. Ее тело пылало в его руках, и когда она вновь переступила грань, вступив в мир абсолютного наслаждения, то ее чуть не затопила волна захлестнувших ее чувств. Все, что Мари могла делать в эту минуту, — это держаться за Джанни, отдавшись во власть ощущений, которые несли ее в мир, где конец был только началом.

Она все еще дрожала, когда почувствовала, что и он перешагнул эту грань, отделяющую земное от неземного, а затем он упал на нее, прижимая к матрасу своим телом.

— Нам нужно поговорить. — Мари села на кровати, убрала волосы с лица и взглянула на восхитительного нагого мужчину, лежавшего рядом.

Джанни фыркнул:

— Почему женщинам всегда хочется поговорить после секса?

Секс? Это было больше, чем просто секс. По крайней мере, для Мари. Это был необыкновенный, потрясающий, почти сказочный опыт. Но, кажется, Джанни об этом лучше не говорить. Надо же — только глядя на него, лежавшего на покрывале цвета морской пены, ей хотелось наброситься на него, однако она сделала над собой усилие и осталась на месте.

— Иди ко мне, милая, — сказал Джанни, протягивая руку, и ей стоило большого труда не принять это сексуальное предложение.

Но сначала нужно подумать о деле.

— Джанни, так что насчет Жан-Люка?

— Жан-Люк, — вздохнул он и пробормотал что-то себе под нос на итальянском. Взглянув на нее, он пожал плечами: — Он ушел, *sarà*. Даже он не настолько глуп, чтобы остаться на острове, зная, что нужен нам.

— Это я знаю. — Мари взглянула в сторону французских окон и дальше, в освещенную лунным светом ночь. — Я хочу знать, что мы намерены сейчас предпринять.

— В отношении чего?

— В отношении нашей шарады. — Из открытых дверей, ведущих на террасу, подул теплый ветер, лаская ее обнаженную кожу. — Твоя семья знает правду, Жан-Люк исчез, что нам делать сейчас?

Джанни привстал на один локоть, потянулся к ее руке и провел большим пальцем по костяшкам ее пальцев, вызвав в ее теле ответную дрожь.

— То, что мы планировали в самом начале. Да, нам больше не надо лгать моей семье, но я должен остаться здесь до тех пор, пока не закончится выставка.

— А что потом?

— Потом мы найдем Жан-Люка, вернем тебе ожерелье, и ты отдашь мне фотографии моего отца. Ничего не изменилось, *sarà*. — Он медленно улыбнулся и потянул ее за руку. Когда Мари оказалась рядом, он уложил ее на постель и наклонился к ее грудям.

Мари вздохнула и положила руки ему на голову, глядя на то, как он ласкает ее. В ее

затуманившемся от наслаждения мозгу билась одна мысль: «Ты так не прав, Джанни. Все изменилось».

Глава 10

— Хорошо сработано, — одобрительно кивнул Рико, наблюдая, как Франклин Хикс сопровождает мужчину в наручниках к одному из туристических катеров у причала.

По голубому небу плыли белые облака, в океане было полно прогулочных лодок с радующимися хорошему дню отдыхающими. Рыбацкие судна поскрипывали, качаясь на волнах, ветер доносил музыку с радио, играющего неподалеку.

— Он сам сделал это удивительно легким для нас, — не скрывая своего презрения, сказал Джанни. Мари стояла рядом. Когда он положил одну руку ей на плечи, она, было, напряглась, но почти сразу расслабилась.

После той первой ночи, когда у них был секс, между ними все стало запутанно и непонятно. Они вроде и сблизились, но в то же время между ними словно возникла стена, которая с каждым часом становилась все выше и толще. За последние два дня у них несколько раз был секс, и каждый раз они достигали все большего удовольствия, хотя казалось, больше уже было некуда.

Джанни не уставал от Мари, как это всегда бывало с другими женщинами в прошлом. Раньше было так, что, удовлетворив начальный голод, его желание ослабевало, но в случае с Мари его желание словно росло вместе с каждой проведенной минутой, и сейчас оно постоянно было с ним. Он не был в состоянии ни уменьшить его, ни игнорировать. Да он этого и вовсе не хотел...

Ему казалось, что Мари испытывает то же самое. Она была жадной и страстной, когда они занимались любовью, но после секса она всегда словно отстранялась от него, уходила в свои мысли, так что он не мог дотянуться до нее. Впрочем, сейчас он, возможно, и не хотел до нее дотягиваться. За прошедшую неделю в их жизни много чего произошло, но до сих пор между ними были границы, через которые ни один из них не мог или не хотел переступить.

Мари была с ним только по одной причине — она шантажировала его. Она угрожала их семье, и, хотя у Джанни было чувство, что она не сможет воспользоваться имеющимися уликами, он все равно не мог быть в этом уверен. Он постоянно держал в голове вопрос: можно ли было ей доверять? «И даже если я могу ей доверять, что это изменит?» — спросил он сам себя. Они не были парой. Они вместе только на время, и как только это время подойдет к концу, они вернутся каждый к себе домой и заживут как прежде по разные стороны океана.

Джанни осознавал, что при этой мысли он испытывал странную пустоту в душе, но предпочитал этого не замечать.

Они втроем стояли у причала, наблюдая за тем, как сажают на судно пленника Франклина.

— Что его выдало? — спросил Рико.

— Я заметила, что он не смотрел на украшения, а украдкой поглядывал на камеры и фотографировал их, думая, что его никто не видит, — сказала Мари.

Рико нахмурился:

— Делать фотографии в выставочном зале категорически запрещено.

— Воры считают, что к ним это не относится, — сухо заметил Джанни.

Морщины Рико стали глубже.

— Значит, он сам себя выдал, изучая расположение камер?

— Точно, а еще в кармане его пиджака была лазерная ручка, — сказал Джанни.

— Откуда тебе это известно? — прищурившись, спросил Рико.

— Когда Мари указала мне на него, я проверил его карманы.

— О, ради бога! — Рико топнул ногой. — Ты ведь обещал, что не будешь ничего воровать!

— Своровать у вора не считается кражей, — возразил Джанни.

Глядя на то, как его зять пытается овладеть собой, он слабо улыбнулся, когда Рико пробормотал:

— Допустим. Но объясни, почему лазерная ручка тебя насторожила?

Джанни встретился с ним взглядом.

— Это относительно свежее изобретение, созданное хакерами. Лазерная ручка может использоваться для взлома компьютера и считывать информацию с наиболее часто используемых клавиш, что позволяет хакеру с легкостью войти в систему.

— Я не понимаю, — признался Рико, и было видно, что он совсем не в восторге от услышанного.

Мари продолжила объяснение:

— Если бы ему удалось взломать камеры видеонаблюдения, он смог бы незамеченным проникнуть в выставочный зал ночью. Система защиты не дала бы сбой, так как у него были необходимые коды.

Рико с шумом выдохнул и засунул руки в карманы:

— А сейфы? Как бы он взломал сейфы?

— В его номере нашли сейфовый усилитель, — сказала Мари, подставляя лицо ветру, позволяя ему растрепать волосы — так, как больше всего нравилось Джанни.

— Сейфовый усилитель? — повторил Рико.

— Нечто вроде высокотехнологичного стетоскопа, — пояснил Джанни с легкой завистью, вспомнив, как раньше ему приходилось торопиться при взломе сейфа. Все Коретти были научены взламывать любой сейф без современных гаджетов, по старинке, хотя надо было признать, что с современными технологиями делать это было значительно проще. — Это наушники с электронным устройством. С таким инструментом талантливый вор может взломать сейф в два счета.

— Ключевое слово — талантливый, — вставила Мари.

— Да, — согласился Джанни. — Вор, которого мы поймали, не был специалистом. Доказательство этому то, что я смог залезть в его карманы в зале, полном людей, а он этого даже не заметил. — Он покачал головой и вздохнул: — Да уж, жаль. Искусство кражи вырождается.

Рико просто молча смотрел на него во все глаза с удивленным выражением лица. Глядя на него, Мари закашлялась от смеха, и Джанни послал ей улыбку. Хоть кто-то здесь понимал, о чем он говорит.

— Кстати о малоталантливых ворах, — сказала Мари, выскальзывая из-под руки Джанни, — вы выяснили, как смог скрыться Жан-Люк?

Когда Мари отошла, Джанни ощутил, как ему недостает тепла ее тела, но остался сидеть на месте. Как же ему хотелось вновь сократить расстояние между ними! Задавая свой вопрос Рико, Мари стояла от него в двух шагах, словно боялась находиться рядом.

— Да, Франклин это выяснил. Он попал в поле зрения камер отеля, Франклин показал его фотографию в деревне и на причале. Ему повезло: один из местных рыбаков его узнал. Жан-Люк заплатил ему, чтобы тот отвез его на Сент-Томас. Он, конечно, понятия не имел, что помогает вору, пытающемуся избежать ареста. Он поверил Жан-Люку, который наплел ему историю о том, что ему срочно нужно вернуться домой.

— И полагаю, что Жан-Люк был весьма щедр, — заметила Мари.

— Очень щедр, — вздохнул Рико. — Жан-Люк заплатил ему сумму, равную нескольким месяцам его заработка здесь.

Джанни перевел взгляд на Мари и увидел досаду на ее лице. Он разделял ее чувства. Ему тоже не нравилось, что скользкому французу удалось сбежать. Однако был повод и для радости: если бы они схватили Жан-Люка, они бы завладели ожерельем, а это значит, что их с Мари пути должны разойтись. Джанни же хотелось еще некоторое время побыть в ее обществе. Он не был готов порвать их... отношения прямо сейчас.

Подумав об этом, он содрогнулся. Неужели он употребил слово «отношения»? Образ его жизни не подходил для того, чтобы создавать семью, к тому же он сам был к этому не готов, предпочитая короткие романы с женщинами, о которых даже не вспоминал после расставания с ними.

С Мари же все с самого начала было иначе. Наверное, он будет о ней вспоминать. Наверное, ему даже будет ее не хватать. Сознать это было тревожно, но отрицать этого Джанни не мог.

Он оказался в этой ситуации, зная, что с Мари все будет временно, но каким-то образом все вдруг стало сложнее. Как будто сумасшедший вихрь завертел и закружил их. Теперь их отношения показались ему слишком мимолетными.

— Значит, — хмуро подытожила Мари, — нам неизвестно, куда он направился после того, как добрался до Сент-Томаса.

— Неизвестно, — подтвердил Рико. — После того как тот рыбак высадил его на причале, он мог отправиться куда угодно. Подозреваю, что напрямиком в аэропорт, а вот на какой рейс он купил билет, об этом можно только догадываться.

Джанни смотрел, как по лицу Мари, сменяя друг друга, промелькнули разные чувства. Она взглянула на него:

— Как ты думаешь, может, он отправился домой, в Монако?

— Я не знаю, — признался Джанни. — Может быть, но наверняка узнать это можно будет, только если мы отправимся туда.

Мари кивнула и пожевала нижнюю губу.

— Но ведь ты останешься до окончания выставки?

Джанни бросил взгляд на Рико:

— Да. Я убедил своих работодателей, что пробуду здесь до ее окончания.

Рико улыбнулся:

— Чему я только рад. Если бы не дополнительная пара глаз, неизвестно, чего бы мы могли лишиться. — Он перевел взгляд на катер, который увозил Франклина Хикса и несостоявшегося вора на Сент-Томас. Власти с ним разберутся. — Мы еще увидимся сегодня на выставке?

— Да, — сказал Джанни, не отрывая взгляда от Мари. — Мы придем чуть позже.

— Пауло с вашим отцом должны приехать сегодня. Завтра крестины, — сообщил Рико.

— Да. — Джанни не мог оторваться от зеленых глаз Мари.

— Ну что ж, я возвращаюсь в отель. Увидимся через час?

— Да, — ответила Мари.

Рико кивнул и отошел на пару шагов. Затем он обернулся.

— Должен сказать, вы двое — отличная команда.

— Что? — одновременно спросили Джанни и Мари.

Рико рассмеялся и с удовольствием повторил:

— Вы вдвоем — отличная команда.

— Кого же мы тебе напоминаем? — Один уголок губ Джанни пополз вверх. — Шерлока и Ватсона?

Губы Мари изогнулись, в глазах появился лукавый блеск.

— Наверное, больше Тёрнер и Хуч.

Джанни нахмурился, а вспомнив фильм, про который она говорила, рассмеялся:

— Милая, ты гораздо круче любого мастиффа.

Мари рассмеялась. Когда Джанни взял ее за руку, она прижалась к нему и прошептала:

— Ты такой забавный. Но если мы Шерлок и Ватсон, ты вылитый Ватсон.

На следующий день состоялись крестины, и Мари захотелось оказаться где угодно, только не здесь. После того как на Тезоро приехали Пауло Коретти и их отец, младший брат Джанни не делал секрета из того, что Мари ему не нравится.

В прошлый вечер они собрались на ужин в номере Рико и Терезы, и за время ужина Мари не раз ловила на себе подозрительно-любопытный взгляд Пауло. Казалось, он был очень сердит. Он пробурчал что-то в качестве приветствия и больше с ней почти не заговаривал. До сегодняшнего дня.

Сейчас они снова собрались в гостиной Рико и Терезы, прежде чем отправиться в небольшую церквушку неподалеку. И в этот день Пауло уже не был так молчалив, как накануне.

Чувствуя на себе его пристальный взгляд, Мари вздрогнула, но напомнила себе, что она вовсе никакая не злодейка. Впрочем, для Пауло, возможно, она таковой и являлась, ведь на ее совести улики против их отца и шантаж против брата. Ее взгляд остановился на Джанни. Он сидел, спокойный и как будто невозмутимый, в то время как его младший брат неистовствовал.

Беспристрастно глядя на Пауло, Мари заметила сходство между братьями, но с ее точки зрения Пауло проигрывал Джанни: Джанни был выше его ростом и более поджарый, хотя и обладал хорошо развитыми мышцами, которые она исследовала две прошлые ночи кончиками пальцев. К тому же Джанни обладал не таким взрывным характером, как Пауло.

Мари поерзала на диване, чувствуя устремленные на нее взгляды. Она не могла винить этих людей за то, что они так разглядывают ее, но от чрезмерного внимания ей было не по себе.

Тереза сидела на диване рядом со своим отцом Ником, который держал на руках своего первого внука. Рико стоял возле бара, и казалось, будто он борется с желанием заткнуть Пауло рот. Джанни сидел рядом с Мари, лицо его было непроницаемо.

Вот уже два дня Мари и Джанни были неразлучны. Теперь, когда необходимость притворяться отпала, их связывала только жгучая страсть. Мари оставила затею разобраться с тем, что с ней происходит. Она просто решила наслаждаться происходящим и не думать о будущем.

Однако между ней и Джанни была не только страсть. Она получала удовольствие оттого, что была рядом с ним. Ей нравилось все. Работать с ним, спать с ним, откликаться на его прикосновения, когда в середине ночи ему вдруг приходила мысль заняться с ней любовью при приглушенном свете лампы. Она знала, что между ними еще ничего не ясно, между ними были Жан-Люк, возвращение ожерелья и улики против его отца. Однако за эти два дня она просто старалась получать удовольствие от жизни, как однажды ей и предложил сделать Джанни.

Однако получать удовольствие от того, что происходило сейчас, было очень сложно.

— У нее есть улики против нашего отца, — с возмущением говорил Пауло, привлекая к себе ее внимание, — и, однако же, она сидит с нами, как член семьи, как будто это нормально. — Он подошел к бару, чтобы взять холодное пиво, которое ему налил Рико.

Его слова ударили ее как пощечина, и, вероятно, Пауло рассчитывал на такой эффект. Мари и в самом деле было больно, досада проникала в ее душу. Конечно же поведение Пауло нельзя было назвать нормальным, и она знала это, как и то, что после смерти отца она везде чувствовала себя чужой. Казалось, ей нигде не было места. И пока Коретти смыкали ряды,

защищая члена своей семьи от нее, Мари чувствовала зависть к тому, что они имели. Пусть они жили далеко друг от друга и виделись всего несколько раз в год, чувствовалось, что членов семьи Коретти связывают крепкие семейные узы.

Мари поняла, что не вписывается в их семью. И что бы ни связывало ее с Джанни, она навсегда останется для него лишь эпизодом в его жизни.

— Пауло, — сказала Тереза, пытаясь утихомирить своего брата, — Мари не хочет сажать отца в тюрьму.

Мари взглянула на нее с благодарностью. По крайней мере, за эту неделю у нее появилась подруга, по которой она будет скучать, когда все закончится.

Пауло хохотнул:

— И на чем основывается твоя убежденность? Разве можно доверять слову копа?

— Я больше не коп, — подала наконец голос Мари, принимая участие в этой перепалке между братом и сестрой. Джанни молчал, и она бросила на него сердитый взгляд. Нет, она не нуждалась в адвокате, но несколько слов в ее защиту не помешали бы. Но, похоже, здесь ее ждало разочарование, и Мари совершенно не понимала, как ей надо было это расценивать.

Она снова повернулась к Пауло и продолжила:

— В данное время благодаря Жан-Люку Баптисте у меня даже нет работы.

Пауло сделал большой глоток пива.

— Вот только не надо, пожалуйста... Вы коп, коп внутри, — он хлопнул себя рукой по груди, — а только это и имеет значение. Вам пришлось достаточно поколесить по миру, чтобы найти против нас улики, затем вы создали схему, в которой отвели Джанни особую роль. Вы решили заставить моего брата помочь вам найти Жан-Люка, чтобы вернуть ожерелье, которое украли у вас из-под носа. Все ваши поступки, продиктованные чувством справедливости, кричат, что вы — коп.

Мари встала, чтобы сравняться с ним ростом.

— Для вас коп звучит как оскорбление, но не для меня. Мой отец был копом, и отец моего отца. Вы ведь гордитесь своей семьей, не так ли?

Пауло сузил глаза, но кивнул.

— Так вот я — тоже, — четко произнесла Мари. — Я понимаю, вам есть на что злиться, пока я здесь, но нападать на меня — это не выход из ситуации.

Пауло запыхтел, но когда он взглянул на нее, она прочитала в его глазах уважение. И возможно, подумала Мари, это было все, чего она могла от него добиться.

Несколько секунд стояла оглушительная тишина, а затем Джанни громко и медленно зааплодировал. Все повернули голову в его сторону. Бросив хлопать, он встал и притянул к себе Мари, которая пыталась пресечь каждую попытку сократить расстояние между ними.

— Довольно, Пауло, — сказал он. — Мари здесь со мной. И чтобы я больше не слышал от тебя ни одного плохого слова в ее адрес.

Пауло открыл было рот, чтобы что-то возразить, но Джанни его опередил:

— Именно так, Пауло. Что происходит между мной и Мари, между нами и останется.

— А улики, которые у нее есть?

Мари пошевелилась, и Джанни крепче прижал ее к себе.

— Это моя забота.

— Как ты можешь так легко говорить, зная, что папа может загреметь в тюрьму.

Лицо Мари искривила гримаса. Ее взгляд устремился на пожилого мужчину, укачивающего на руках своего спящего внука. Словно почувствовав устремленные на себя взгляды, Ник заговорил, не отрываясь от младенца.

— Тюрьма — не такая уж страшная вещь, Пауло. И если эта очаровательная молодая леди считает, что ей необходимо это сделать, она передаст фотографию итальянской полиции, и с этим делом будет покончено.

— Но, папа, — запротестовал Пауло, однако умолк, когда его отец кинул на него выразительный взгляд.

— Довольно, — нарушил молчание Рико. — Как говорит Джанни, будь что будет. Сегодня крестины моего сына, и я не позволю, чтобы кто-то испортил нам праздник, — твердым голосом сказал он, обращаясь ко всем в комнате. — Это понятно?

Все согласно закивали. Джанни обнял Мари, и она прижалась к нему в благодарность за его поддержку. Она подняла на него глаза, и он улыбнулся в ответ. И тут она поняла, что он намеренно не выступил в ее защиту. Он хотел предоставить ей право самой постоять за себя для того, чтобы потом ей было легче общаться с Пауло.

И за это она его тоже любила. Джанни станет настоящим рыцарем, если только ей это потребуется, но и его уверенность в ней позволяла ему не вмешиваться в дела, в которых она сама могла себя защитить.

Мари вздохнула и позволила мыслям поблуждать, пока семья Коретти собиралась идти в церковь. Работать с Джанни на выставке было комфортно. Они действительно хорошо сработали, схватив того вора. Совсем как настоящая команда. Она любила его за то, что он мог заставить ее смеяться. Любила, что он уважал ее мнение. Любила, когда он смотрел на нее с нескрываемой страстью в глазах. Любила, что...

О боже. Да ведь она любит его!

Как это могло произойти так быстро? Черт, да как это вообще произошло? Джанни Коретти олицетворял собой все то, против чего она сражалась всю свою сознательную жизнь. Он был вором и гордился этим. Он происходил из семьи, которая попирала законы любой страны, в которой они побывали. Он был тем, чего ей следовало избегать, и в то же время он был тем, в чем она так отчаянно нуждалась.

Кажется, она влипла.

* * *

Небольшая католическая церковь стояла на окраине деревни; местные жители построили ее из речного камня, который собирался по всему острову. Купелью служила огромная чаша, вырезанная из цельного куска древнего баньяна и натертая песком до глянцевого блеска. Сквозь витражные окна над алтарем просвечивало солнце, лучи которого нежно падали на лица собравшихся у купели людей. Все вокруг было овеяно атмосферой святости и благоговения.

Мари по-прежнему не покидало ощущение того, что она здесь чужая, но Джанни словно угадал ее чувства. Он то и дело брал ее за руку или клал руку на плечо, притягивая ее к себе, хотя и ум, и сердце Мари говорили, что ей лучше отстраниться.

Семья Коретти стояла, сплотившись вокруг крошечного существа, к которому в этот момент было приковано все внимание. Кузен Рико Шон Кинг и его жена Мелинда были крестными родителями, и Ник Коретти держал их двоих детей за руку, пока они с любопытством всматривались и вслушивались в то, что происходило вокруг них. Церемония была простая и трогательная, она тронула сердце Мари, и к ее горлу подступил ком.

Глядя на Коретти, видя, как крепко связывают их семейные узы, Мари наконец поняла, что не сможет довести свой план до конца. Ее взгляд остановился на Нике: пожилой, обаятельный мужчина что-то негромко говорил проявляющим нетерпение детям. Да, он был вором, но это не мешало быть ему неплохим человеком.

К ее бывшему когда-то черно-белым миру с недавних пор добавилось еще больше оттенков серого. Понятия и принципы, по которым она жила всю свою жизнь, расплылись, потеряли четкость. Такое представление о жизни сейчас ей казалось слишком простым, едва ли не примитивным, поэтому Мари даже начала удивляться, как она могла жить так долго в соответствии с ним. Она не может послать Ника за решетку. Она не сможет жить, думая о том, что он будет сидеть в какой-нибудь маленькой, ужасной камере, вдали от своих близких, которых он так любит.

Джанни сжал ее руку, и Мари поняла, что с шантажом покончено. Глубоко вздохнув, она пообещала себе, что как только они вернутся в отель, она отдаст Джанни фотографии и скажет ему, что им больше нечего опасаться. Она не может шантажировать мужчину, которого любит, угрожая его семье, которая так много значит для него. Она настолько ушла в свои мысли, что почти перестала замечать, что происходит вокруг нее.

К тому времени как церемония закончилась и маленькая группа людей, смеясь и болтая, вышла на солнце, у Мари было такое чувство, что она пробежала длительный марафон. Ей нужен был воздух, пространство и время, чтобы определиться с мыслями и понять, что же теперь ей делать со своей жизнью.

Но этого времени у нее не было. Склонив голову, Джанни прошептал:

— Тереза запланировала ланч для всех собравшихся. После него, думаю, нам стоит вернуться к себе в номер и поспать.

Мари взглянула на него и против воли улыбнулась, зная, что именно этого от нее и ждет Джанни. Уступив желанию коснуться его, она провела пальцами по его щеке. «Какой конец будет у этой истории?» — подумалось ей. Вряд ли счастливый финал.

Сейчас она просто не отдает себе отчета в том, что не сможет выбраться из этой ситуации безболезненно.

Но сейчас она хотела только одного: почувствовать Джанни внутри себя. Поэтому Мари решила пока делать то, что ей хочется, и то, что ей нужно. Еще одна ночь с ним, а после нее она решит, как поступить.

Только где бы взять храбрости на это?

Их тела, влажные от пота, переплелись, все еще сотрясаясь от пережитого наслаждения.

Мозг Мари был затуманен. Она подняла руку и провела пальцами по его густым черным волосам, чувствуя их шелковистость. Она знала, что навсегда запомнит этот миг.

Все еще тяжело и учащенно дыша, Джанни на несколько секунд заглянул ей в глаза, пока их сердца медленно успокаивались. Наконец он скатился с Мари и, опершись на локоть, спросил:

— Ты не хочешь сказать мне, о чем думаешь?

— Не очень, — призналась она. Мари понимала, что вскоре им придется расстаться. Ее охватила едва заметная дрожь.

— Мари...

Она прикусила губу, и когда Джанни протянул к ней руку, она выскользнула из-под нее и встала с постели, стаскивая с нее простыню. Удерживая тонкую материю перед собой, как щит, она заставила себя озвучить то, что она так боялась сказать.

— Я уезжаю, Джанни.

Джанни недоуменно поднял брови, покачал головой и сказал:

— Да, мы оба уедем, как только выставка закончится.

— Нет. — Она приподняла подбородок. — Я имела в виду, я уезжаю сейчас.

— Сейчас? — Он сел, глядя ей в глаза. — Но почему, Мари?

— Потому что это единственное, что я могу сделать, — сказала она, даже не надеясь на понимание с его стороны. Да уж, нельзя было начать этот разговор более неуклюже, чем это сделала она. — Я имею в виду, что между нами все кончено, Джанни. Жан-Люк скрылся и сейчас, когда он знает, что мы вместе, он будет начеку — мы вряд ли сможем вернуть ожерелье.

Джанни встал с постели, обошел ее, словно гордясь своей наготой и не испытывая никакого желания прикрыться. Хотя Мари считала, что ему это было не нужно. Если и существовал мужчина, который мог позволить себе ходить обнаженным, — это был Джанни Коретти. Просто глядя на него, она чувствовала, как ее рот наполняется слюной, а руки чешутся от того, чтобы прикоснуться к его бронзовой коже.

Однако выражение лица у него было угрожающим.

— Я сказал тебе, что верну ожерелье, и я это сделаю.

— Я знаю, что ты попытаешься, — ответила Мари, делая попытку его успокоить.

— Попытаюсь? — повторил он. — Я Джанни Коретти. Если я сказал, что сделаю, значит, я это сделаю.

Мари сдавленно засмеялась. Как же он высокомерен и самоуверен! Так уверен, что он может сделать все... Почему же она любила его еще больше?

— А я говорю тебе, что мне этого не нужно. Я думаю, что для нас двоих будет лучше, если мы вернемся каждый к своей жизни и... и забудем о том, что когда-то встречались.

Джанни словно лишился дара речи. Впервые в жизни он не знал, что говорить. Он не мог видеть ее горькое выражение лица. Ее глаза сказали ему все. Она уже сказала ему «прощай» во время их ласк. Он понял это сейчас. Даже когда он занимался с ней любовью, она уже оставляла его, мысленно возвращалась к своей жизни, так не похожей на его жизнь. И сейчас она говорила ему об этом.

Джанни не собирался забывать о ней так быстро, не хотел, чтобы она уходила. Не сейчас. Он не мог даже подумать, что женщина, которую он поймает за обыском в своем доме, вдруг станет значить для него так много за такое короткое время. Он даже не знал, как ему сейчас защитить свое сердце, которое, как он всегда считал, было неуязвимым.

И вот сейчас ему предстояло заплатить за свое самомнение. Пытаясь отогнать в сторону неприятные мысли, он приблизился к ней широким шагом.

— Поехали со мной в Лондон! — выпалил Джанни. — Остановимся у меня, пока не придумаем, как вернуть ожерелье.

Мари грустно покачала головой, и это только подстегнуло его. Как она смеет вот так просто взять и уйти?! Он сделал еще шаг, но Мари отступила назад. Джанни сделал вид, что не заметил ее решительного и серьезного настроения.

— Тогда мы вместе отправимся в Монако. — Он надеялся переубедить ее. — Как Рико правильно заметил, мы с тобой отличная команда. Вместе мы лишим Жан-Люка драгоценностей, которые он украл. Вместе, *cara*.

На ее губах появилась и мгновенно пропала слабая улыбка.

— Лондон. Монако. Ты. Все это замечательно.

— Тогда останься, — настаивал Джанни.

— Нет. Я не могу.

— Скажи мне почему, — потребовал он. Он остановился перед ней, опустил руки на ее плечи и притянул себе, преодолевая ее сопротивление. — Скажи!

Мари склонила голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и он прочел в ее глазах сожаление.

— Потому что, если бы ты попытался украсть ожерелье, которое я попросила тебя вернуть, и если бы тебя поймали и посадили за решетку, я бы никогда себе этого не простила.

Джанни высокомерно хмыкнул:

— Коретти не поймают. Никогда.

— Все всегда может случиться в первый раз, — мягко сказала Мари. — Я не могу этого допустить.

— Ты что-то недоговариваешь, — ответил Джанни, пытливо глядя ей в глаза, зная, что ее обуревают сомнения.

— Да, — призналась Мари, продолжая смотреть на него, хотя и несколько отстраняясь.

— Джанни, ты вор. Да, да, вор, — быстро продолжила она, не дожидаясь, когда он ее поправит. — Бывший вор. Но в своем сердце ты все еще вор. Так же как и я в своем сердце навсегда останусь копом.

Джанни смотрел на нее во все глаза.

— И что все это значит?

Мари убрала волосы с лица, выдохнула и продолжила:

— За последнюю неделю столько всего изменилось! Мир, который я, казалось, знала так хорошо, стал для меня чужим после того, как я познакомилась с тобой, с твоей семьей, после того, как приехала на этот остров. — Она покачала головой и вздохнула. — Но все это не реальный мир. Это не мой мир: в нем нет ничего от той жизни, к которой я привыкла. Я воспитана уважать закон и жить по правилам. Если у меня все это отнять, кем я останусь?

— Никто не собирается лишать тебя привычного образа жизни, — напряженно констатировал Джанни и потянулся к Мари, но она снова отступила.

Взглянув на кольцо на своем пальце, Мари медленно сняла его и задержала на ладони.

— Это кольцо все объясняет. Оно принадлежит женщине, которую я никогда не видела. Оно было украдено у нее и хранилось в качестве трофея, пока ты не дал его мне, чтобы я стала изображать жизнь, которой не было. — Она с грустью взглянула на него, взяла его руку и положила в нее кольцо. — Все это было притворство. То, что у нас есть сейчас, то, что сейчас тебе так дорого, не более чем притворство.

Джанни почувствовал вес бриллианта в своей ладони и подумал, что может растереть его в порошок, если сожмет в кулаке.

— В том, что сейчас между нами происходит, ничего плохого нет, *cara*, — сказал он.

— Нет. — Мари прошла мимо него, и он не сделал попытки ее остановить. В этом не было смысла. — Но рано или поздно наши мгновения счастья превратятся в прошлое, и о нем останутся одни воспоминания.

Джанни стиснул зубы и взглянул на кольцо. Впервые с того дня, как он украл его, бриллиант показался ему не таким ослепительным. Сейчас он мог бы быть просто стекляшкой — такой же холодной и безжизненной.

— И вот еще что, Джанни...

Джанни взглянул на нее, остановившуюся в дверях ванной комнаты.

— Я оставляю фотографии твоего отца тебе. Я не хочу, чтобы ты волновался. Ник не

отправится в тюрьму из-за меня ни сейчас, ни в будущем.

Когда Мари закрылась в ванной, Джанни остался один в сумраке комнаты. Ему было стыдно признаться, что пока она прощалась с ним, он ни разу не вспомнил о своем отце.

Глава 11

— Не могу поверить, что ты уезжаешь, — сказала Тереза, крепко обнимая Мари на следующее утро. — Я должна это сделать, пока чувствую в себе силы, — призналась Мари. Разговор с Джанни прошлой ночью все еще жил в ее памяти. Как и воспоминание о том, как он молча оделся и ушел из номера. Его не было всю ночь. И все эти часы в темной комнате Мари больше нечем было себя занять, кроме как вспоминать проведенные с ним мгновения.

Как столько всего могло случиться за одну короткую неделю? Как за этот срок можно было проникнуться чувствами? И какие это были чувства! Раньше Мари казалось, что невозможно за это время полюбить так глубоко. Но уход от Джанни — самое сложное решение в ее жизни. Попрощаться с Терезой было не намного легче.

Номер пентхаус был пронизан солнечным светом, освещающим яркие элементы интерьера. Забавно, но дом Терезы и Рико за это время стал для нее почти родным, и Мари знала, что ей будет не хватать этого спокойного места, когда она его покинет. Но больше ей будет не хватать ее новой, но ставшей почти родной подруги.

— Но ты ведь любишь Джанни, — мягко сказала Тереза, глядя на Мари.

— Люблю. — Мари покачала головой. — По крайней мере, я думаю, что люблю, но с момента нашей встречи прошло немногим больше недели. Любовь не возникает так быстро.

Тереза негромко рассмеялась:

— Да, а сколько, по-твоему, нужно времени на то, чтобы влюбиться? Неделя? Год? Десять лет? Или достаточно мгновения, когда два человека встречаются взглядами? Нет, Мари, для любви законы не писаны. Она просто возникает, и все. И когда человек находит ее, он сразу понимает, что с ним происходит.

Мари знала, что Тереза права. Она также знала, что любит Джанни и просто пытается убедить себя в обратном. Потому что уйти от него оказалось сложнее, чем она думала. И если признаться себе, что она отказалась от любви, то это и вовсе станет невыносимым.

— Это не важно, — прошептала она.

— Только это и имеет значение, — возразила Тереза. — И Джанни тоже тебя любит.

Мари вскинула голову и встретилась взглядом с Терезой. Надежда раскрылась в ней как парашют на ветру и также быстро умерла.

— Ты не можешь знать этого наверняка, — срывающимся голосом сказала она.

— Разумеется, я знаю, — заверила ее Тереза. — Мысли моего брата легко прочитать, если ты прожила с ним всю свою жизнь. Когда он с тобой, я слышу, как он смеется — больше, чем когда-либо в прошлом. Он производит впечатление счастливого человека. И это все благодаря тебе.

Если верить услышанному, то поиск пути к сердцу Джанни уже не был таким пугающим и долгим. Но Мари было сложно поверить Терезе. Да, Джанни предлагал ей остаться: поехать с ним в Лондон и Монако, но без любви это приглашение казалось таким... пошлым. А Джанни ведь ни слова не сказал о своих чувствах, полагая, вероятно, что у них было просто летнее кратковременное романтическое приключение.

Но сейчас с этим было покончено.

— Он не любит меня, — твердо сказала Мари, словно пытаясь убедить саму себя. — Но все в порядке, Тереза. Правда. Со мной все будет хорошо, мне просто надо... уехать.

— Мой брат идиот, — вздохнула Тереза.

Она снова обняла Терезу с кривой улыбкой.

— Когда Маттео проснется, поцелуй его за меня, ладно?

— Конечно, — пообещала Тереза. — А ты еще приедешь сюда? Навестить меня?

— Приеду, — солгала Мари, надеясь, что ей удалось обмануть Терезу. Она никогда не сможет приехать на Тезоро. Воспоминания о Джанни не дадут ей вернуться.

— А если ты когда-нибудь будешь в Нью-Йорке, позвони мне, ладно?

— Позвоню, — вздохнула Тереза, понимая, насколько призрачны шансы их повторного свидания.

После этого Мари вышла из пентхауса, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах. Каждый шаг давался ей с трудом, словно она шла по грязи. Стиснув зубы, она дошла до лифта и нажала кнопку первого этажа. Оказавшись внизу, она заставила себя добраться до выхода из отеля, к автобусу, курсировавшему между причалом и отелем. Автобус отвезет ее к катеру, который доставит ее на Сент-Томас, обратно в унылую реальность.

— Ты должен радоваться! — Пауло не скрывал своего недоумения. Он видел, что уничтожение улики против отца не вызывает у Джанни ни капли энтузиазма, и это приводило его в ярость.

Угрозы больше не существовало. Семья была в безопасности. Женщина, которая заваривала всю эту кашу, была уже на пути в Штаты. И все-таки Джанни не чувствовал облегчения.

Вместо этого где-то под ложечкой поселилось чувство безысходного одиночества, и даже отличное виски, которым потчевал его Рико, не могло прогнать холод, проникший в кровь и поселившийся в каждой клеточке его тела. Размышления тоже не приносили покоя. Он снова и снова проигрывал в уме последнюю сцену с Мари, словно ему было недостаточно прожить ее один раз.

Джанни все еще не мог поверить в то, что она ушла. От него еще не уходила ни одна женщина, это чувство было для него новым, и оно ему не нравилось. Он был уверен, что сможет заставить ее остаться, но провалился в достижении самой главной цели, которую когда-либо ставил перед собой.

— Отстань от него, Пауло, — негромко сказала Тереза.

Он хохотнул и поднял бутылку пива.

— Почему вы все кажетесь такими грустными? Она уехала. Угрозы больше не существует. Все кончено. Мы должны радоваться.

— Пауло, — мягко сказал их отец, не сводя взгляда со своего старшего сына, — есть то, чего ты не знаешь.

— Например?

Ник Коретти вздохнул, перевел взгляд на младшего сына и сказал:

— Например, ты не знаешь, что значит любить по-настоящему.

Джанни вскинул голову при этом утверждении и удивленно посмотрел на отца.

— Любить? Кто сказал про любовь?

Ник нахмурился и пощелкал языком.

— Это стоило сказать тебе.

— Спасибо, папа! — Тереза сверкнула глазами в сторону Джанни. — Именно об этом я сказала ему час назад.

— А я предложил тебе заниматься своими делами и не совать нос, куда не следует, — мягко сказал Джанни.

С другого конца дивана послышался смех.

— Думаешь, она так и сделает? — спросил Рико. — Ты вообще не знаешь свою сестру. — Получив от своей жены тычок в живот, он моргнул, а затем схватил ее и прижал к себе.

— Моя семья — мое дело! — тут же парировала Тереза, указывая на Джанни. — Ты не должен был позволять ей уехать.

Рот у Джанни искривился, он стиснул зубы, чтобы не позволить горячему потоку слов пролиться. Глядя на свою сестренку, он предпочел не заметить горевшего в ее темных глазах жаркого огня — предвестника битвы. Тереза до самой последней клеточки была Коретти, и не важно, что сейчас ее фамилия звучала по-другому. Если она была уверена в своей правоте, ничто не способно ее остановить.

— Что я должен был сделать? — возразил Джанни. Одним глотком допив остатки виски, он наклонился и поставил пустой бокал на стоящий перед ним кофейный столик. — Она захотела уехать. — Произнося эти слова вслух, он снова почувствовал нестерпимую боль в сердце.

— Конечно, она не хотела уезжать! — с ноткой отчаяния воскликнула Тереза. — Ты мог бы заглянуть ей в глаза и прочитать в них, что она тебя любит.

Сердце Джанни екнуло, но он не мог просто так поверить в это.

— Если бы она любила меня, она бы осталась, — упрямылся он.

— Ты рассказал ей о своих чувствах? — спокойно спросил Ник, прерывая их спор. Взгляды всех присутствующих устремились на него.

— Я не знаю, какие чувства я к ней испытываю, папа, — преодолевая себя, сказал Джанни. Он вскочил на ноги, подошел к дверям, ведущим на террасу, и уставился на освещенную лунным светом поверхность воды. — Я предложил ей остаться, и она отказалась.

— Ты не дал ей причины, по которой она захотела бы остаться, — ответил отец.

Он предложил ей отправиться в его дом, что еще он должен был сказать? Мари уехала. Возможно, сейчас она уже подлетает к Нью-Йорку. Думала ли она о нем? Сожалела ли о своем отъезде? В нем бурлил гнев, обжигая душу горячими углями.

— Ты меня разочаровал, — вздохнул Ник.

Джанни взглянул на отца:

— Разочаровал? Почему, папа? Я получил фотографии, которые были у Мари. Ты в безопасности. Нашей семье ничто не угрожает.

— *Basta!* Довольно. — Ник взмахнул рукой, словно отмахиваясь от мошкеры. — Эта женщина не допустила бы, чтобы я сел в тюрьму, и ты это знаешь.

— Она работала в полиции, — подал голос Пауло, и Ник обернулся, чтобы взглянуть на него. — Она бы это сделала.

— Нет. — Ник внушительно покачал головой. — Она бы не причинила боль Джанни.

— Кажется, существует хотя бы один Коретти, у которого есть мозги, — пробормотала Тереза.

Джанни бросил на нее испепеляющий взгляд, затем перевел его на отца.

— Это не любовь, папа. Ей просто надо было сделать выбор, и она его сделала. Она выбрала возвращение в Нью-Йорк. Для нее я навсегда останусь вором — так она мне сказала.

— Дурак, — по-итальянски произнес Ник, вставая на ноги и пересекая комнату, чтобы повернуться к Джанни лицом к лицу. — Ты просто дурак, — повторил он. — Ты не видишь правды.

Джанни хохотнул.

— Я вижу всю правду, папа. Для Мари жизнь поделена только на черное и белое, на правильное и неправильное. Она отказывается видеть, что все не так просто.

Мари была упрямой, своевольной, и ему ее уже не хватало. Ее отсутствие задевало его, словно вырывая маленькие кусочки сердца с каждым вдохом.

Он бы никогда не поверил, что может испытывать такие глубокие чувства к женщине, которая была так далека от его мира. Но нужно было взглянуть правде в глаза. Без Мари даже воздух казался ему лишенным всякого запаха. Боже, да он даже дышать без нее не мог!

— К чему я пришел? — прошептал он так, что только отец, стоявший рядом, его расслышал.

Ник положил руку на плечо своего сына и сжал его.

— Я молился, чтобы когда-нибудь ты испытал эти счастливые мгновения. Ты нашел женщину своей жизни, как когда-то нашел ее и я. Твоя мать значила для меня больше, чем моя жизнь.

Без нее я был никем, но с ней жизнь обрела смысл.

Джанни покачал головой и взглянул на отца.

— Но мама выбрала тебя. Она хотела быть с тобой.

— Не сразу. — Ник подмигнул. — Мне пришлось за ней побегать, — сказал он, и его лицо озарилось нежной улыбкой. — Насколько я помню, убеждать ее оказалось весьма приятным занятием.

— Убеждать... — Джанни подумал об этом и взглянул на океан. Вместо сменяющих друг друга волн и темного звездного неба он увидел ее широко раскрытые зеленые глаза. Ветер будто бы трепал ее волосы цвета рдеющего огня, а на полных губах играла мечтательная, загадочная улыбка.

Глаза у Джанни сузились, подбородок заострился. Он еще никогда не терял того, что было для него по-настоящему важно, и сейчас не самое лучшее время для подобных экспериментов.

Мари ударила в боковую панель оконного кондиционера и пробормотала проклятие, когда чертов прибор прекратил работать.

— Чудно, — нахмурилась она. — Просто замечательно.

Она пересекла узкую гостиную и включила напольный вентилятор на полную мощность. Прохладнее не стало, но он хотя бы гнал по комнате горячий воздух. Хотя, конечно, вряд ли бы это спасло ее от удушающей жары. В открытые окна в квартиру проникали звуки города: непрекращающийся шум транспорта, гудение автомобилей, разговоры людей. Лето в Нью-Йорке невозможно было сравнить с теплыми пассатами на Тезоро.

Сев за кухонный стол, Мари отпила глоток чаю со льдом и, закрыв глаза, представила себя на шезлонге рядом с Терезой. Впрочем, она в Нью-Йорке уже две недели, и пора ей прекратить думать о днях, проведенных на Тезоро.

Каждую ночь она мечтала о Джанни и вспоминала о тех удивительных ощущениях, которые она испытывала в его объятиях. Она просыпалась каждое утро, чувствуя себя еще более уставшей, чем когда ложилась в постель, а ее тело молило об освобождении, которого она больше никогда не узнает. Это мучило ее, а она хотела чувствовать себя спокойно.

Мари никак не могла смириться, что той жизни больше не существует. Сейчас она живет жизнью, которая ей знакома. Ее время с Джанни так же мертво, как и ее кондиционер.

Поэтому Мари сосредоточилась на объявлениях о работе, размещенных в лежавшей перед ней газете. Ей нужна работа, но она не хочет ничего... стандартного. Ей нужна работа, которая могла бы предложить ей приключение, выброс адреналина — все, от чего она только что ушла.

— Боже, я безнадежна, — простонала она и, взглянув на газету, вздохнула. Ни одна из предложенных вакансий в газете не обещала интересных и заманчивых предложений. Еще ей хотелось быть рядом с Джанни...

Однако Мари знала, что поступила правильно. Она должна была уйти. Ни он, ни она не заговаривали о любви. Остаться с ним и любить его, зная, что он не испытывает к ней подобных чувств, она не могла. Поступить так — означало превратиться в жалкое существо.

При мысли о том, что она больше никогда не увидит Джанни, сердце заболело. Мари хотелось заплакать, но она уже выплакала все свои слезы две недели назад.

Когда прозвенел дверной звонок, она вскочила, радуясь тому, что появился повод отвлечься от грустных мыслей. И не важно, кто пришел. Мари пересекла гостиную, открыла дверь и замерла с раскрытым ртом, глядя на мужчину, который снился ей по ночам.

— Джанни, — едва слышно выдохнула она, словно боясь, что, если она произнесет его имя слишком громко, ее голос разобьет возникшую перед ней иллюзию.

Он выглядел потрясающе в своем угольно-сером костюме с синим галстуком. Волосы его были стильно подстрижены, а долетевший до нее аромат заставил схватиться за дверь, чтобы не броситься к нему в объятия. Рядом с ним она в своей белой майке, красных шортах и босиком выглядела, как минимум, забавно. Но какое это теперь имеет значение?

— Спасибо, — наконец сказал Джанни, так и не дождавшись от нее больше никаких слов. — Я войду.

Джанни прошел мимо Мари в крошечную квартиру, и она обернулась, чтобы взглянуть на нее его глазами. Вся ее квартира запросто бы уместилась в одной из его гостевых спален, но, по крайней мере, здесь было уютно, и к тому же эта квартира принадлежала ей. Диванчик и кресло, оба обшитые цветастой тканью, были удобнее всей его мебели. Рядом с ними стоял обеденный стол с двумя стульями. Кухня также была крошечной, ванная и того меньше, а в ее спальне могла уместиться только полуторная кровать.

Однако Мари постаралась сделать свою квартиру теплой и уютной и, откровенно говоря, она гордилась своим жилищем.

— Что ты здесь делаешь?

Джанни оторвался от разглядывания кухни и оглянулся на Мари через плечо.

— У нас есть незаконченное дело.

— Да?

Взглянув на раскрытые страницы газеты, он покачал головой и снова посмотрел на нее.

— Тебе не нужна новая работа, Мари. Если ты захочешь, то сможешь вернуться на прежнее место.

Мари озадаченно смотрела за тем, как он подошел к ней и вытащил из внутреннего кармана своего пиджака бархатный мешочек. Она затаила дыхание, когда он развязал его, склонился над кофейным столиком и высыпал содержимое.

Переливаясь в лучах солнечного света всеми цветами радуги и освещая всю комнату, на стеклянной столешнице лежало ожерелье.

— О боже, — выдохнула Мари. — Ты это сделал. — Она потрясенно перевела взгляд на Джанни. — Но как?

Он пожал плечами:

— Съездил в Монако и добыл ожерелье. — Джанни фыркнул: — У него даже сейфа нет. Ожерелье находилось в ящике стола в его спальне. Даже жаль. В любом случае я хотел вернуть тебе его, чтобы спасти твою репутацию, которая так для тебя важна.

Да, Мари дорожила своей репутацией. Столько лет у нее не было ничего, кроме нее. Но Джанни значил для нее гораздо больше. И хотя она была благодарна ему за то, что он сделал, Мари очень хотелось завизжать.

— Тебе не стоило этого делать, Джанни. Тебя могли бы поймать. Посадить в тюрьму.

— Меня поймают лишь тогда, когда я сам этого захочу, — самоуверенно заявил он, вглядываясь в ее глаза.

— Что это должно значить?

— Я отвечу тебе после того, как ты ответишь мне на вопрос. — Он не сводил с нее глаз, расслабляя узел галстука и расстегивая пуговицы пиджака. — Здесь жарко, как во время пожара, — нахмурившись, сказал он.

— Кондиционер снова сломался.

Сняв пиджак, Джанни перебросил его через спинку стоявшего рядом с ним стула.

— Ладно, переживем. Вопрос в том, хочешь ли ты вернуться в Уэйнрайт, Мари? Вернув ожерелье, ты сможешь занять прежнюю должность.

Мари не была в этом так уверена. Даже возврат ожерелья не гарантирует ей получение должности, которую сейчас может занимать кто-то другой. Впрочем, сейчас это было не так уж и важно.

— Нет, я больше не хочу возвращаться на свою старую работу, но я так давно мечтала вернуть ожерелье Абигейл! Спасибо, хотя тебе и не стоило этого делать.

Джанни удивленно приподнял бровь.

— Как мило. Мне этого не хватало.

Мари нахмурилась:

— В общем, мне кажется, путешествие по Европе меня изменило. Наверное, я хочу... больше приключений в своей жизни. Поэтому нет, на старую работу я не вернусь.

— Рад слышать, — кивнул Джанни, яростно снимая запонки и закатывая рукава своей рубашки. — Здесь просто пекло. Почему ты не открываешь окно?

— Окна открыты.

— *Santa Madre*, — потрясенно пробормотал он.

— Добро пожаловать в городское лето. — Мари скрестила руки на груди и взглянула на него. — Я ответила на твой вопрос. Теперь ты ответь на мой. Что ты имел в виду, говоря, что тебя можно поймать только тогда, когда ты сам этого захочешь?

— Я имел в виду, что ты меня поймала. — Он взял ее за плечо и притянул к себе. — И я хочу

быть пойманным.

— Хочешь? — Сердце Мари мгновенно переполнилось чувствами, и слезы брызнули из глаз.

Джанни нежно смахнул слезы с ее щек, и края его губ приподнялись в нежной улыбке.

— Не плачь, *cara*. Мне невыносимо видеть, как плачет сильная женщина.

Мари прикусила губу, сделала вдох и попыталась справиться с собой. Когда она решила, что овладела собой достаточно, спросила:

— Что ты пытаешься сказать, Джанни?

— Я говорю, что нас ждут приключения. Нас обоих. Я скучал по тебе, *cara*. — Он быстро крепко ее поцеловал. — Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Пусть свадьбу для нас устроит Тереза на Тезоро. И переезжай ко мне в Лондон, мне нужно помочь сделать что-нибудь с той ужасной мебелью. И в этом я могу довериться только тебе.

Мари неуверенно рассмеялась. Она не могла поверить в то, что это происходит на самом деле. Может, это сон?

— И если ты должна быть офицером полиции... — продолжал Джанни. — У меня есть неплохие связи в Интерполе. Мы могли бы работать вместе.

Мари задрожала всем телом. Она была счастлива и смущена одновременно. Она убедила себя, что это правильно — не встречаться больше с Джанни, а сейчас она не могла вспомнить, почему ей вдруг пришла в голову такая мысль. Он стоял перед ней, предлагая ей шанс увидеть вместе с ним мир, но она ждала другого. Он все еще не сказал слов, которые ей так нужно было услышать.

— Опять молчание, — словно обращаясь к самому себе, сказал Джанни. — Поверить не могу, что тебе нечего ответить. И не думай, что мне это нравится. Может, это убедит тебя заговорить со мной? Я люблю тебя, Мари О'Хара, дочь и внучка полицейских.

— Ох, — всхлипнула Мари, рассмеялась и подняла руку ко рту, словно чтобы сдержать смех.

— Я люблю тебя так сильно, — он вздохнул, — что вернул твое временное обручальное кольцо женщине, у которой я его украл.

— Ты правда это сделал? — Ее лицо осветила широкая, восхищенная улыбка. Он расстался с трофеем, который хранил многие годы. И он сделал это для нее. — О, Джанни...

— Не смотри на меня, словно я герой, — произнес он, качая головой. — Я доставил его не лично, а отправил экспресс-почтой и заставил ее расписаться за доставку, чтобы знать, что она его получила.

— Не могу поверить, что ты это сделал, — прошептала она, улыбаясь.

— Пауло тоже не поверил. — Джанни усмехнулся. — Но раз для тебя это важно, это стало важным и для меня.

— Джанни...

— Я еще не закончил, женщина. — На его губах мелькнула слабая улыбка. — То ты лишаешься

дара речи, то перебиваешь... Скоро у тебя будет возможность высказаться. Я привез тебе это. — Он снова залез в карман и в этот раз вытащил маленькую коробочку темно-красного цвета.

Трепещущее сердце Мари и вовсе остановилось. Она бы не удивилась, если бы вдруг рухнула на пол. Однако каким-то чудом ее ноги все еще держали ее.

— Это то, что ты мне вернула, — с кривой улыбкой сказал Джанни. — Я купил это кольцо специально для тебя. Я заплатил за него. Это был... редкий опыт.

Мари снова рассмеялась. Боже, как же ей не хватало смеха эти две недели! С каждой проведенной вместе с Джанни секундой она словно оживала все больше, и сейчас, когда он снова был с ней, она будто очнулась от долгого сна.

— Когда я увидел это кольцо в витрине ювелирного салона в Мейфэре, я сразу понял, что оно создано для тебя. — Он открыл коробочку. — Изумруд такого же оттенка, как и твои глаза. И он такого же размера, как и возвращенный мною бриллиант.

Дыхание у Мари перехватило. Она оторвала взгляд от прекрасного кольца и взглянула в красивые глаза Джанни, сиявшие любовью, нежностью, страстью — тем, чего ей в глазах мужчин еще видеть не доводилось. По какой-то причине эта огромная Вселенная давала ей второй шанс в любви на всю жизнь, и в этот раз она его не упустит.

Надевая кольцо ей на палец, Джанни сказал:

— Выходи за меня замуж, Мари. Стань моей возлюбленной. Моим другом. Возвращайся со мной в Лондон строить семью. Без тебя я ничто.

— Джанни, мне тебя так не хватало... — Мари встала на цыпочки, чтобы поцеловать его. Оторвавшись от его губ, она сказала: — Я тебя тоже люблю. Думаю, я полюбила тебя в тот же первый вечер в твоей квартире.

Джанни усмехнулся:

— В нашу первую годовщину совместной жизни тебе придется снова лечь на пол в той короткой юбке. — Джанни с чувством вздохнул и ударил себя рукой по сердцу. — Я пропал в тот момент, когда увидел твои изумительные ножки, торчавшие из-под кровати.

Мари рассмеялась и подпрыгнула, повиснув у него на шее и прижимая его к себе так, словно не собиралась больше отпускать. Руки Джанни обхватили ее за талию и взяли в кольцо. Откинув голову назад, он сказал:

— Я ничего больше не желаю, как заняться с тобой любовью, моя дорогая. Но только, прошу, давай уедем из этой бани. Давай отправимся ко мне в отель?

— Где ты остановился?

— В отеле «Уолдорф», — с деланой небрежностью произнес Джанни, отчего Мари подозрительно прищурилась.

Не сводя с него глаз, она сказала:

— Так случилось, что я знаю, что в «Уолдорф-Астория» отличная система безопасности.

Он лишь улыбнулся:

— Как я не устаю тебе повторять, *saga*, я бывший вор.

Покачивая головой и глядя Джанни в глаза, Мари усмехнулась:

— Сотрудница полиции и вор. Две стороны одной монеты.

— Звучит почти как поэзия, — согласился он и снова поцеловал ее. — И может быть, я и вор, но ты, *saga*, украла мое сердце.

mir-knigi.org

9 785227 061966

Последние пару часов Джанни упорно «тренировался» быть возлюбленным Мари. При каждом удобном случае брал ее за руку, касался волос и шептал на ухо что-то страстное и сексуальное, да так громко, чтобы окружающие могли слышать его. Из-за него Мари пребывала в постоянном нервном напряжении и ночью не могла уснуть. Как можно было отдыхать, зная, что такой мужчина, как Джанни, находится за дверью?

Maureen Child
THE FIANCÉE CAPER

16+

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ISBN 978-5-227-06196-6

НАРЛЕКИН®

Последние пару часов Джанни упорно «тренировался» быть возлюбленным Мари. При каждом удобном случае брал ее за руку, касался волос и шептал на ухо что-то страстное и сексуальное, да так громко, чтобы окружающие могли слышать его. Из-за него Мари пребывала в постоянном нервном напряжении и ночью не могла уснуть. Как можно было отдыхать, зная, что такой мужчина, как Джанни, находится за дверью?

Maureen Child

The Fiancée Caper

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.